

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»
Кафедра психологии

Т.Е. Косаревская, Р.Р. Кутькина

**ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ
ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ
ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ**

Методические рекомендации

*Витебск
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
2009*

УДК 159.923(075)
ББК 88.37я73
К71

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 2 от 30.10.2008 г.

Авторы: доцент кафедры психологии УО «ВГУ им. П.М. Машерова», кандидат психологических наук **Т.Е. Косаревская**; старший преподаватель кафедры психологии УО «ВГУ им. П.М. Машерова» **Р.Р. Кутькина**

Рецензент:
заведующий кафедрой психологии УО «ВГУ им. П.М. Машерова»,
кандидат психологических наук, доцент *С.Л. Богомаз*

К71 **Косаревская, Т.Е.**
Психосемантический подход к исследованию индивидуального сознания : методические рекомендации / Т.Е. Косаревская, Р.Р. Кутькина. – Витебск : УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2009. – 61 с.

В учебном издании рассматриваются проблемы одного из наиболее прогрессирующих направлений в современной отечественной психологии – психосемантики. Задачей психосемантики является реконструкция индивидуальной системы значений, через призму которой происходит восприятие человеком мира, других людей, самого себя. Представлены психосемантические методы исследования, результаты изучения различных форм существования значений в индивидуальном сознании. Адресуется студентам-психологам, а также всем, кто интересуется вопросами психосемантики.

УДК 159.923(075)
ББК 88.37я73

© Косаревская Т.Е., Кутькина Р.Р., 2009
© УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
1. Психосемантика как область психологии	6
1.1. Когнитивный подход к современным исследованиям	6
1.2. Психосемантика сознания	13
1.3. Характеристика психосемантического подхода к исследованию сознания	16
1.4. Понятие категоризации и психологические исследования ..	19
2. Психосемантика как исследовательский метод	22
2.1. Семантические пространства	22
2.2. Метод семантического дифференциала (СД)	23
2.3. Метод личностных конструкторов Дж. Келли	29
2.4. Метод субъективного шкалирования	31
2.5. Ассоциативный эксперимент	33
2.6. Метод семантического радикала (СР) А.Р. Лурия и О.С. Виноградовой	35
2.7. Метод подстановки	37
2.8 Метод классификации	38
2.9. Методы косвенного опосредованного исследования семантики	39
3. Психосемантические исследования категориальных структур индивидуального сознания	42
3.1. Влияние эмоций на процессы категоризации	42
3.2. Стереотипы обыденного сознания	44
3.2.1. Психосемантическая характеристика индивидуального сознания женщин в разные периоды жизни	46
Литература	56
Приложение	58

ВВЕДЕНИЕ

Психосемантический подход, или экспериментальная психосемантика – сравнительно новая область отечественной психологии, возникшая в начале 70-х годов и представленная работами психологов МГУ (Е.Ю. Артемьева, В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелев, В.В. Столин, А.А. Нистратов, В.И. Похилько, О.В. Митина и др.).

ПСИХОСЕМАНТИКА – область психологии, изучающая развитие, строение и функционирование индивидуальной системы значений, опосредующей процессы восприятия, мышления, памяти, принятия решений. Задачи психосемантики:

- исследование различных форм существования значений в индивидуальном сознании (образы, символы, символические действия, а также знаковые, вербальные формы);
- анализ влияния мотивационных факторов и эмоциональных состояний субъекта на формирующуюся у него систему значений.

Являясь областью психологии, психосемантика имеет, тем не менее, ярко выраженный междисциплинарный аспект, перекликаясь с философией и культурологией (работы В.С. Степина о категориальной структуре сознания, А.Я. Гуревича о категориях средневековой культуры), языкознанием (модель «смысл–текст» И.А. Мельчука, лексическая семантика Ю.Д. Апресяна, представления Ю.Н. Караулова о «языковой личности», Ю.С. Степанова о «трехмерном пространстве языка»), социологией (работы С. Московичи о социальных представлениях, П. Бурдьё о социальном пространстве), информатикой (работы Д.А. Поспелова о формах репрезентации знаний) и др.

В задачи психосемантики входит реконструкция индивидуальной системы значений, через призму которой происходит восприятие человеком мира, других людей, самого себя. Понятие «значение» – одно из основных в теоретической системе психологии и экспериментальной психосемантике. Проблема значения широко представлена в работах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, А.Р. Лурия, Д. Брунера, Ч. Осгуда и др. Значение понимается как «обобщенная идеальная модель объекта в сознании субъекта, в которой фиксированы существенные свойства объекта, выделенные в совокупной общественной деятельности» [12, с. 14].

Психосемантика исследует различные формы существования значений в индивидуальном сознании: образы, символы, коммуникативные и ритуальные действия, а также словесные понятия. Экспериментальная парадигма психосемантики в основе своей ориентируется на работы по построению семантических пространств Ч. Осгуда (метод семантического дифференциала) и теорию личностных конструктов Дж. Келли (метод репертуарных решеток) и включает использова-

ние аппарата многомерной статистики для выделения категориальных структур сознания субъекта. Методологической основой, определившей становление психосемантики, является школа Выготского–Леонтьева–Лурия.

Основным методом экспериментальной психосемантики является построение субъективных семантических пространств, выступающих в качестве модельной формы репрезентации содержания индивидуально-го сознания. Психосемантика изучает и общепсихологические аспекты процесса категоризации, и дифференциально-психологические. В этом случае ее задача – реконструкция системы представлений данного индивида о мире путем реконструкции системы его индивидуальных значений и личностных смыслов [21].

В психосемантике реализуется парадигма конструктивизма, где картина мира трактуется не как зеркальное отражение действительности, а как одна из возможных «пристрастных» культурно-исторических моделей мира, которую создает единый или коллективный субъект. В этом плане психосемантика стоит на позиции множественности возможных моделей мира [18, с. 32].

1. ПСИХОСЕМАНТИКА КАК ОБЛАСТЬ ПСИХОЛОГИИ

1.1. Когнитивный подход к современным исследованиям

Когнитивные науки – это конгломерат научных дисциплин, объектом исследования которых являются естественные и искусственные познающие (когнитивные) системы. Фундаментальные исследования в этой области позволяют понять механизмы функционирования интеллекта человека, его восприятия, речевой способности; а прикладные – создать эффективные методики и системы обучения, реализовать когнитивные механизмы в разнообразных компьютерных системах обработки речи, изображений и т.д. Различные ученые дают собственную интерпретацию термина «когнитивный», в зависимости от того, в какой конкретной науке он используется.

Термин «когнитивный» в значении «познавательный» или «соответствующий познанию» появился довольно давно в философской литературе. В соответствии с наиболее распространенной точкой зрения, когнитивная наука – это наука о системах знаний и обработке информации (Р. Шепард). Один из ученых-когнитивистов Майкл Газзанига в беседах с Дж. Миллером утверждал, что ученых, работающих в этой области, объединяет желание узнать «когнитивные правила, которым следуют люди, и те представления знаний, на операции с которыми эти знания направлены». В.В. Петров определяет основную задачу когнитивной науки в том, чтобы понять, каким образом человек оказывается способным перерабатывать, трансформировать и преобразовывать огромные массивы знаний в крайне ограниченные промежутки времени.

С появлением когнитивной психологии, которая была определена как «изучение ментальных процессов», и с исследованием многих аспектов этих процессов, а также в связи с новыми подходами к рассмотрению психических процессов (восприятия, внимания, запоминания, мышления и т.д.), характеризующих ментальную деятельность человека, термин «когнитивный» значительно расширяет свое содержание.

Когнитивная теория – это исследование ментальной информации, т.е. информации, хранящейся в ментальном лексиконе внутри мозга и составляющей основу человеческого сознания.

Когнитивная психология изучает то, как люди получают информацию о мире, как эта информация представляется человеком, как она хранится в памяти и преобразуется в знания, как эти знания влияют на наше внимание и поведение. Когнитивная психология охватывает весь диапазон психологических процессов: от ощущений до восприятия, распознавания образов, внимания, обучения, памяти, форми-

рования понятий, мышления, воображения, запоминания, языка, эмоций и процессов развития; она охватывает всевозможные сферы поведения (Р.Л. Солсо. Когнитивная психология, 1996).

Модель, которой обычно пользуются когнитивные психологи, называется «моделью переработки информации». Когнитивные модели, опирающиеся на модель переработки информации, – это эвристические построения, используемые для организации существующего объема сведений, стимуляции дальнейших исследований и облегчения коммуникаций между учеными. Модель переработки информации предполагает, что процесс познания можно разложить на ряд этапов, каждый из которых представляет собой некую гипотетическую единицу, включающую набор уникальных операций, выполняемых над входной информацией. Предполагается, что реакция на событие является результатом серии таких этапов и операций (например, восприятие, кодирование информации, воспроизведение информации из памяти, формирование понятий, суждение и формирование высказывания). На каждый этап поступает информация от предыдущего этапа, и затем над ней выполняются свойственные для данного этапа операции. Поскольку все компоненты модели переработки информации так или иначе связаны с другими компонентами, трудно точно определить начальный этап; но для удобства можно считать, что вся эта последовательность начинается с поступления внешних стимулов. Эти стимулы не представлены непосредственно, но они преобразуются в значимые символы, в то, что некоторые когнитологи называют «внутренними репрезентациями». Модель переработки информации породила два важных вопроса, вызвавших значительные споры среди когнитивных психологов: какие этапы проходит информация при обработке? и в каком виде информация представлена в уме человека?

Занимаясь изучением способов получения, переработки и хранения информации, специалисты по когнитивной науке выдвинули идею о существовании неких форм репрезентации этих способов не только в научных описаниях, но и в мозгу человека, т.е. в виде определенных структур сознания.

Когнитивная наука занимается решением проблем, связанных с формированием и функционированием этих структур. Наиболее простой путь доступа к структурам сознания лежит через язык и, соответственно, через лингвистику. На этом пути ключевую роль сыграли положения Н. Хомского о новых направлениях лингвистических исследований. Хомский отмечал, что ученые слишком долго были сосредоточены на изучении внешних проявлений языка, его экстериоризованных форм; теперь предстоит заняться его свойствами внутри мозга, т.е. интериоризованными структурами языка.

Когнитивная лингвистика – это одна из главных наук всего когнитивного цикла. Сегодня когнитивная лингвистика представлена целым рядом достаточно различающихся между собой школ. Вместе с тем их, несомненно, объединяет стремление дать языковым фактам и языковым категориям психологическое объяснение и так или иначе соотнести языковые формы с их ментальными репрезентациями и с тем опытом, который они в качестве структур знания отражают. Когнитивная лингвистика занимается в основном сверхглубинной семантикой, и интересуют ее в первую очередь содержательные аспекты языковых форм. В связи с этим очень часто специфику когнитивной лингвистики связывают с ее ориентацией на исследование конструирования **значения**, его динамики, сложности формирования значения в пределах разных конструкций и в дискурсе и т.д. Включение в ее название термина «когнитивный», таким образом, весьма значимо и позволяет провести должное разграничение лингвистики когнитивной и лингвистики функциональной, несмотря на некоторые точки пересечения между ними и, в частности, их оппозицию лингвистике формальной.

Психолингвистика – наука о закономерностях порождения и восприятия речевых высказываний. Возникла в 50-х гг. 19 в. как реакция на появление практических задач, для решения которых оказался недостаточным аппарат лингвистики и традиционной психологии (социальное воздействие при помощи речи, инженерно-психологические задачи, интенсификация обучения иностранному неродному языку и т.п.). В нашей стране психолингвистика возникла на базе психологической школы Л.С. Выготского.

Психолингвистика рассматривает речь как один из видов целенаправленной деятельности человека, подчиняющейся общим закономерностям организации деятельности. Основные направления исследования – модели грамматического порождения высказываний, механизмы восприятия и понимания семантической стороны речи, а также вообще закономерности семантической организации языковой способности человека; вероятностная организация восприятия речи. Интенсивно разрабатываются проблемы психологии общения, закономерностей строения цельного и связного текста. Основные области практического применения – обучение иностранному языку, инженерная и космическая психология, детская речь, проблемы речевого воздействия (радио, ораторская речь и т.д.). В современном значении термин «психолингвистика» был введен американскими учеными Ч. Осгудом и Т. Сибееком, опиравшимися на необихевиоризм и дескриптивную лингвистику (так называемая Йельская школа). С начала 60-х гг. XX в. американская психолингвистика ориентируется на теорию «порождающей грамматики» Н. Хомского, но затем (вторая по-

ловина 70-х гг.) наметился отказ от нее и поиски общепсихологической теории.

Н. Хомский утверждает, что знание всех предложений языка невозможно, что в основе языка должна лежать некоторая ограниченная система правил. Эта система правил и есть грамматика языка. Она задает бесконечное число «правильных» предложений. Носитель языка, как говорящий, так и слушающий, каждый раз пускает в ход эту порождающую грамматику, чтобы с ее помощью либо построить «правильное» высказывание, либо понять «правильно» построенные высказывания. Н. Хомский выделяет два понятия: «языковая способность» и «языковая активность». Языковая способность – это нечто вроде потенциального знания языка. Языковая активность – процессы, которые происходят при реализации этой способности в речевой деятельности. По Н. Хомскому, языковая способность первична, она определяет языковую активность, а не наоборот.

Нейролингвистика – раздел психологии, посвященный изучению мозговых механизмов речевой деятельности в норме и при локальных поражениях мозга. Нейролингвистика – область пограничная для психологии, неврологии и лингвистики, изучающая мозговые механизмы речевой деятельности и те изменения в речевых процессах, которые возникают при локальных поражениях мозга. Развитие нейролингвистики связано с развитием нейропсихологии, с одной стороны, лингвистики и психолингвистики – с другой. В соответствии с представлениями современной нейропсихологии, нейролингвистика рассматривает речь как системную функцию, а афазии – как системное нарушение, которое складывается из первичного дефекта и вторичных нарушений, возникающих в результате воздействия первичного дефекта, а также функциональных перестроек работы мозга, направленных на компенсацию нарушенной функции. Очень важная идея была высказана Л.С. Выготским относительно проблемы локализации психических функций. Он подчеркивал, что решение этого вопроса зависит от того, что мы считаем, локализуется и настаивал на том, что сознание человека организовано в соответствии с системными и смысловыми принципами. Он выделял три основных принципа, лежащих в основе формирования высших психических функций.

Образование сложных динамических систем, интегрирующих целый ряд элементарных функций. Из этого следует, что нарушение любой из этих систем должно вести к нарушению интегративной деятельности в целом; эти нарушения специфичны и зависят от вклада, который вносила данная функция в систему. Исходя из динамического характера систем, степени автоматизма, произвольности выполнения той или иной функции может с разной степенью вовлекать для одного и того же действия высшие и низшие звенья иерархической системы.

Изменчивость межфункциональных связей и отношений в процессе формирования высших психических функций – и, соответственно, принцип хроногенной локализации функций. Из этого принципа следует, что «высшее», внося новый принцип функционирования, не повторяет «низшего», наоборот «низшее» перестраивается под влиянием «высшего». Это подтверждается, например, большим клиническим материалом о разной ранимости высших и низших звеньев системы на разных ступенях онтогенеза. Опосредованное строение высших психических функций. Здесь речь идет об обобщенном, так сказать опосредованном с помощью знаковой системы отражении действительности в сознании. При патологии психические функции могут терять это свойство «свернутости», «сжатости» и закодированности и могут реализовываться только с опорой на внешнюю помощь путем превращения внутренней деятельности во внешнюю. На этом основано множество клинических приемов компенсации утраченных в патологии функций.

Эти принципы Л.С. Выготского легли в основу нейропсихологической теории А.Р. Лурии и в основу предложенного им системного метода анализа высших психических функций и их нарушений.

В настоящее время на пересечении психологии познавательных процессов, психолингвистики и психологии личности возникло новое направление – **психосемантика**. Предметом экспериментальной психосемантики являются субъективные системы значений, основным методом исследования – многомерное шкалирование, т.е. построение субъективных семантических пространств.

В экспериментальной психосемантике на практике реализован определенный принцип использования математических методов в психологии. Язык многомерных пространств и графов дает модельные средства для описания эмпирических систем значений. Психосемантика задает не только новый подход к общей психологии познавательных процессов, но и обеспечивает новые схемы решения проблем дифференциальной психологии. Процедуры построения субъективных пространств освобождают результаты исследования от влияния системы значений самого исследователя. Экспериментальная психосемантика позволяет реконструировать видение мира глазами самого субъекта. В то время как при традиционном подходе к измерению индивидуальных различий индивид рассматривается как точка в пространстве диагностических параметров, заданных исследователем, при экспериментальном психосемантическом подходе индивид как бы оказывается носителем особого пространства, заданного им самим, пространства индивидуальных значений. В зарубежных исследованиях подобный подход развивается, прежде всего, последователями Ч. Осгуда (основная методика «семантический дифференциал») и

Дж. Келли («репертуарный ролевой тест личностных конструктов»). Основанный на унифицированной системе координат, семантический дифференциал в диагностическом плане оказывается наиболее приспособленным для измерения среднестатистических оценочных реакций на объект, свойственных определенной массовой группе респондентов. Но семантический дифференциал обладает определенными возможностями и для диагностики уникальных особенностей индивидуальных систем значений. Психосемантические методы предоставляют возможность для разрешения дилеммы между «стандартизацией» и «индивидуализацией».

Обобщенная структура данных, которыми оперирует традиционная психометрика, может быть схематизирована в виде плоской прямоугольной матрицы «индивид–характеристика». Экспериментальная психосемантика оперирует объемными трехсторонними матрицами типа «объект–категория–индивид», что создает объективные возможности для построения эмпирических моделей на основе принципа «субъектности». В слое данных, полученных с помощью психосемантической методики от одного субъекта, содержатся группировки объектов, которые информируют исследователя о наличии у субъекта определенных актуальных категорий. Субъективная категория – это подмножество множества объектов, все элементы которого обладают одинаковым значением. Но данные матрицы «объект–объект» сами по себе еще не информируют о значениях, соответствующих этим категориям. Если модели «категория–категория» («слово–слово»), получаемые в психолингвистических исследованиях с применением прямых субъективных оценок сходства, скорее описывают так называемые «знаемые» системы значений, или «декларативные», то модели «категория–категория», выведенные из таблиц «объект–категория», в большей степени описывают реально функционирующие системные связи между категориями отношения их функциональной «синонимичности» или «антонимичности».

Кибернетика также входит в когнитивные науки. Г.Н. Поваров, автор предисловия к русскому переводу «Кибернетики» Н. Винера, пишет: «Основной тезис книги подобие процессов управления в машинах, живых организмах и обществах, будь то общества животных (муравейник) или человеческие. Процессы эти суть, прежде всего процессы передачи, хранения и переработки информации...» (Поваров, 1983). Кибернетика акцентирует процессы управления, основанные на результатах переработки информации (ведь полное название знаменитой книги Винера «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине»).

Психокибернетика – это одна из ветвей психофизики. Следствием психокибернетики на физическом плане является психология –

та область знаний, которая оперирует со следствиями и на их базе строит свою теорию, продвигаясь дальше в углублении своего поиска. Максвелл Мальц, автор книги «Психокрибнетика», пишет, что у каждого человека есть подсознательное мышление, которое отвечает за интерпретацию чувственных и визуальных образов. Однако оно так странно устроено, что не может отличить фантазию от реальности.

Из кибернетики вырастают **науки об искусственном интеллекте**. Искусственный интеллект как научное направление, связанное с попытками формализовать мышление человека, имеет длительную предысторию. Первые шаги кибернетики были направлены на изучение и осмысление в новых понятиях процессов, протекающих в сложных, прежде всего живых, системах, включая и мыслящие. Позднее это направление работ оформилось в самостоятельную область, разрабатывающую проблему искусственного интеллекта. В ходе последующего развития исследований по искусственному интеллекту произошло их разделение на относительно самостоятельные направления. Это разделение сохраняется и до сегодняшнего дня. Разделение работ по искусственному интеллекту на два направления связано с существованием двух точек зрения на вопрос, каким образом строить системы искусственного интеллекта. Сторонники одной точки зрения убеждены, что «важнее всего результат», т.е. хорошее совпадение поведения искусственно созданных и естественных интеллектуальных систем, а что касается внутренних механизмов формирования поведения, то разработчик искусственного интеллекта вовсе не должен копировать или даже учитывать особенности естественных, живых аналогов.

Таким образом, это направление рассматривает продукт интеллектуальной деятельности человека, изучает его структуру и стремится воспроизвести этот продукт средствами современной техники. Успехи этого направления искусственного интеллекта оказываются тесно связаны с развитием возможностей ЭВМ и искусства программирования, т.е. с тем комплексом научно-технических исследований, которые часто называют компьютерными науками. Это направление искусственного интеллекта можно охарактеризовать термином «машинный интеллект».

Другая точка зрения состоит в том, что именно изучение механизмов естественного мышления и анализ данных о способах формирования разумного поведения человека могут создать основу для построения систем искусственного интеллекта, причем построение это должно осуществляться, прежде всего, как моделирование, воспроизведение техническими средствами принципов и конкретных особенностей функционирования биологических объектов. Это направление искусственного интеллекта рассматривает данные о нейрофизиологи-

ческих и психологических механизмах интеллектуальной деятельности и, в более широком плане, разумного поведения человека.

Таким образом, мы рассмотрели место и роль психосемантики среди совокупности научных дисциплин и направлений, именуемых в настоящее время когнитивными науками.

1.2. Психосемантика сознания

Феномен сознания изучается в различных областях человеческой деятельности. Существуют разные пути познания: мистический (основанный на доверии к собственным чувствам, переживаниям), логический (ориентированный на правильность, непротиворечивость преобразований), естественнонаучный (ориентированный на истину и опирающийся на соответствие опыта и логики), практический (ориентированный на достижение результата, на эффективность), гуманитарный (ориентированный на осмысление всего познанного и опирающийся на традицию, идеи).

Сознание как явление – это эмпирический факт представленности субъекту картины мира и самого себя, в том числе и как способность человека отдавать себе отчет в том, что происходит.

Строгого и единодушного феноменологического определения категории «сознание» в психологии нет. Эта категория принадлежит к числу фундаментальных и вместе с тем предельных абстракций, несомненным является культурно-историческое происхождение сознания.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в психологической литературе до сих пор «сознание» преимущественно рассматривается с позиции идеи отражения: как «высший уровень психического отражения» [12]; «высшая форма психического отражения, ... моделирующая и преобразующая мир» [16]; «способность к отражению психических переживаний и впечатлений» [1] и др., чем признается его репродуктивный характер, вторичность по отношению к внешней действительности.

Конструктивизм акцентирует идею неотражательной, конструктивной природы человеческого восприятия, роль индивидуальных конструктов в познании и понимании мира, языковую и культурно-историческую опосредованность познавательных процессов, идеи множества способов описания событий и относительности истины. Основания наших знаний не в «объективном мире», а в языке, культуре, социальных отношениях, нормах и конвенциях, принятых в конкретном сообществе.

С конструктивистской точки зрения, мы не просто активно или пассивно отражаем мир, но выстраиваем его посредством языка и культурных систем. С помощью заданных культурой способов кате-

горизации мы разделяем и связываем, комбинируем и структурируем для себя определенным образом объекты мира и собственные переживания. Именно в этом смысле мы конструируем мир, себя и объекты собственного научного исследования. Язык не просто репрезентирует мир, но отбирает, акцентирует, подавляет и организует различные аспекты наших переживаний и восприятия мира. Различные языки образованы различными системами конструктов, значений, которые по-разному расчленяют реальность, ориентируют и направляют человека, формируют разные картины мира и опыт. Мир конструируется в зависимости от того, как люди говорят о нем, пишут или доказывают его (А.М. Улановский).

В контексте данной работы «сознание» отождествляется с «имплицитной картиной мира, образом мира» (Леонтьев А.Н., Артемьева Е.Ю., Петренко В.Ф.). Понятие «образ мира» введено А.Н. Леонтьевым для описания систем значений человека, в соответствии с закономерностями построения систем значений; для описания «интегрального идеального продукта процесса сознания, получаемого путем трансформации чувственных образов сознания в значения и смыслы» [13].

«Общественное сознание» и «индивидуальное сознание» – это не две реальности, объединяющиеся внешними отношениями друг к другу. Существует одно-единственное сознание, присущее человеку, которое имеет два аспекта проявления: процессуальный (психический) и результативный (общественный) (Рубинштейн С.Л., 1941; Няголова М., 1999). Психологические концептуальные модели индивидуального сознания малочисленны.

Наиболее глубокой и проработанной теоретической моделью индивидуального сознания в отечественной психологии является концепция А.Н. Леонтьева. Идея двухслойного сознания (бытийного и рефлексивного) Фейербаха, а также выдвинутые Л.С. Выготским общие положения о смысловом строении сознания получили свое развитие в теоретической концепции А.Н. Леонтьева о структуре индивидуального сознания как единстве его образующих – чувственной ткани, значений, личностного смысла (Леонтьев А.Н.). На сегодняшний день эти положения существенно дополнились у введенной В.П. Зинченко, Е.Б. Моргуновым еще одной составляющей – понятием «биодинамической ткани» сознания, а также получили теоретическую детализацию в работах Ф.Е. Василюка. На фоне позитивистски ориентированной логической семантики (Фреге, Расселл) значение получило функциональное определение и стало рассматриваться как «превращенная форма деятельности» (Мамардашвили М.К., Леонтьев А.Н.), в которой в свернутом виде представлены общественно выработанные способы действий для познания и изменения реальности, «свойства объекта, существенные с точки зрения общественной практики» [14, с. 17].

Значение – «это ставшее достоянием моего сознания в большей или меньшей своей полноте и многосторонности обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, знания или даже умения, как обобщенного «образа действия», нормы поведения и т.д.» [13, с. 290]; «Значение есть устойчивая система обобщений, стоящая за словом, одинаковая для всех людей, причем эта система может иметь разную глубину, обобщенность, широту охвата обозначаемых им предметов, но обязательно сохраняет неизменное «ядро» – определенный набор связей» [7, с. 39].

В отличие от бихевиористской и когнитивной трактовки, деятельностный подход рассматривает «значение» **структурно**, как функциональное триединство, «тройственный морфизм» когнитивных, операциональных и оценочных единиц деятельности. Этот универсальный, хорошо проработанный в психосемантике конструкт стал «связующим звеном между психологией познавательных процессов и психологией личности», позволяя «легко переходить от языка эксперимента к языку теории и обратно» (Бахтин М.М.). **Динамически** «значение» представляет собой единство процессов сворачивания и разворачивания категорий при взаимном отображении предметных, операциональных и мотивационных пространств [8].

Следующей образующей системной организации индивидуального сознания стало понятие «личностного смысла», первая трактовка которого предполагала индивидуализированное отражение отношения личности к объектам, «значение значения», которое также исторически связано с представлениями Л.С. Выготского о динамических смысловых системах сознания личности, выражающих «единство аффективных и интеллектуальных процессов» [6, с. 29.] Именно в понятии личностного смысла отражена пристрастность и избирательность психического отражения. **Личностный смысл**, т.е. пристрастное отношение субъекта к миру, выраженное в значениях и неразрывно связанное с мотивами личности и ее общей направленностью. Личностный смысл проявляется в эмоциональной окраске, неосознаваемых установках или готовности. Осознаваемый личностный смысл подразумевает представленность его субъекту в языковой форме.

Чувственная ткань, т.е. чувственная данность мира в форме образов, наглядных впечатлений, представлений, которые порождаются в практической деятельности и выступают связующим звеном между субъектом и внешним миром. «**Чувственная ткань**» описана А.Н. Леонтьевым как некое впечатление, «чувственный состав конкретных образов реальности» [12, с. 133], материал, из которого строится перцептивный образ. Всегда сохраняя «свою изначальную предметную отнесенность» [13, с. 148], «чувственная ткань» выполняет функцию придания чувства реальности сознательным образам. Ис-

ходные теоретические построения А.Н. Леонтьева о «чувственной ткани» получили значительное расширение в модели сознания Ф.Е. Василюка [5, с. 18], где «чувственная ткань» получила иное структурное место, представ не как образующая, стоящая в ряду «значение–личностный смысл–чувственная ткань», а как особая внутренняя составляющая образа, его «живая плазма».

«Если «значение» является единицей мира культуры, слово – единицей мира языка, смысл – единицей внутреннего мира личности, то «чувственная ткань» выступает как единица тела, представитель мира в образе сознания человеческого тела; органом, который осуществляет функцию интегрирования [20].

Названные компоненты составляют единое функциональное целое; их самостоятельное рассмотрение есть абсолютизация некоторых сторон реальных процессов, их своеобразные логические пределы [16].

Характеристики значения – устойчивость (трансляция из поколения в поколение неменяющихся функций предметов), универсальность (независимость базовых качеств от индивидуальности пользователя) и «социальность» (в значении осуществляется именно специфически человеческий общественный опыт) [20].

Общая функция значения – сохранение и передача общественного опыта, обеспечение его воспроизводимости. Значение обеспечивает общение и понимание, это «как бы посланник одних сознаний другим» [2, с. 19].

В отличие от значения *смысл* индивидуален и динамичен. Его *общая функция* – создание и структурирование пространства жизни индивидуальности [2]. Личностный смысл приспособливает индивидуальное сознание к выполнению более узких задач, ограниченных личностными мотивами данного субъекта. А.Н. Леонтьев называет расхождение между значением и личностным смыслом «дезинтегрированным сознанием», видя в этом расхождение между индивидуальным мотивом и ценностями общества.

Поиском закономерностей развития смыслов занимался Ф.Е. Василюк [5], выделяя особую деятельность – «деятельность смыслопорождения», обозначенную им как «переживание». Д.А. Леонтьев выделяет три смыслодинамических процесса: смыслообразование, смыслоосознание и смыслостроительство [14].

1.3. Характеристика психосемантического подхода к исследованию сознания

Экспериментальную разработку теоретических идей школы Выготского–Леонтьева в виде моделирования и исследования различных форм существования смыслов в индивидуальном сознании осуществ-

ляет одно из наиболее прогрессирующих направлений в современной отечественной психологии – **психосемантический подход** (опирающийся тем не менее на традиции американской экспериментальной методологии – Осгуд; Дж. Диз, Келли и др.). По-видимому, можно выделить **две линии исследования**, которые так или иначе экспериментально развивают и обогащают теоретическую модель индивидуального сознания А.Н. Леонтьева – психология субъективной семантики (Артемьева Е.Ю.), экспериментальная психосемантика (Петренко В.Ф.; Шмелев А.Г.). В работах Е.Ю. Артемьевой, Ю.К. Стрелкова, В.П. Серкина предлагается следующая схема разведения трех уровней смыслового опыта субъективной реальности сознания:

1. Перцептивный слой – поверхностный слой, образуемый системой модальных образов, упорядоченных друг с другом.

2. Семантический слой (картина мира) – структурированная совокупность отношений к актуально воспринимаемым объектам; совокупность частных полимодальных семантик.

3. Образ мира – наиболее глубинный слой амодальных структур, образующийся при «обработке» семантического слоя. Целостная глобальная система ожиданий воздействия мира (Артемьева Е.Ю.).

При этом основным объектом исследования психологии субъективной семантики становится семантический слой («следы деятельности, зафиксированные в отношении к предметам, объектам манипуляции и условиям этих деятельности»), который близок, но «не тождественен по уровню сформированности и этапу генеза» личностному смыслу [2, с. 140]. «Личностные смыслы» более родственны элементам ядерных структур субъективного опыта. Экспериментальные разработки Е.Ю. Артемьевой и ее учеников посвящены исследованию семантического кодирования «реальных объектов мира» (в противовес понятиям как объектам «вторичного преобразования действительности»), ориентированы на построение низкоинтегративных моделей семантических кодов для выявления не только общих, но и «улавливания» атипичных, нестандартных сочетаний шкальных семантических признаков. А главное – направлены «на поиск некоего конечного числа семантико-перцептивных универсалий», опорных прототипов стимулов, лежащих в основе Образа Мира» [3, с. 23].

В отличие от линии исследований психологии субъективной семантики в работах, выполненных под руководством В.Ф. Петренко; А.Г. Шмелева основное внимание уделяется изучению категориальной структуры **общественного** сознания в виде функционирования семантик понятий, социально-нормативной системы категорий языка, при этом используются высокоинтегративные модели систем значений для выхода на «глобальные сцепления семантических признаков» (так называемые «глубинные личностные конструкты»). В подавляющем большинстве исследований авторы не склонны к применению

индивидуализированного набора семантических признаков для реконструкции категориальных структур обыденного сознания.

Таким образом, ни одна из линий эмпирических исследований на изучение индивидуальных слоев смысловой реальности сознания не выходит: психология субъективной семантики не обладает такими возможностями (индивидуальный семантический код не выявляется – его можно получить только в рамках определенной группы испытуемых); экспериментальная психосемантика обладает такими возможностями, но не использует их, ибо ориентирована на иные цели [22].

В психосемантике личности также различают два подхода: «нормативный» и «сравнительный». Один из них обращен к общим принципам и нормативным моделям, стандартизации алгоритмов сбора данных и интерпретации, а не к групповой и индивидуальной специфике личностных семантических пространств. Основной акцент в нем сделан на методиках, оперирующих лексическим материалом, т.е. личностными прилагательными, *названиями* личностных черт. Таксономические модели личностных черт не затрагивают ценностно-смыслового уровня личности. Кроме того, не все особенности категоризации соотносимы со «стандартом общественного сознания».

Другой подход – «сравнительная психосемантика», ориентирован на выявление особенного (сравнение групп) и единичного. Именно в этом направлении возможно исследование личности как субъекта категоризации.

Построение семантических пространств как метод и форма модельного представления находит широкое применение в исследовании семантической организации различных форм репрезентации объекта субъекту. Ранние работы в этой области велись в основном в рамках построения вербальных семантических пространств, где для построения матриц сходства использовалось шкалирование понятий из самых разных семантических классов, и в результате математической обработки выделялись наиболее универсальные коннотативные (аффективные) факторы-категории, присущие всей лексике. В настоящее время акцент сместился на построение частных семантических пространств для определенных понятийных классов. Если в первом случае выделялись инвариантные для всех испытуемых слабо расчлененные коннотативные категории-факторы, то частные семантические пространства отражают дифференцировку исследуемых объектов по более предметным (денотативным) признакам, обусловленным знанием субъектом данной содержательной области. Соответственно, от анализа среднегрупповых матриц испытуемых интерес сместился к анализу индивидуальных данных, позволяющих решать дифференциально-психологические задачи, в частности исследовать когнитивную сложность испытуемых в данной содержательной области. Если в

ранних работах исследование проводилось в основном с лексически простыми объектами (единичными понятиями) и бинарными шкалами, то в настоящее время появляются работы, где объектами анализа и средствами их описания и оценки выступают развернутые тексты.

Психосемантический подход к исследованию личности реализует парадигму «субъектного» подхода к пониманию другого. Содержательная интерпретация выделяемых структур (факторов) необходимо требует увидеть мир «глазами испытуемого», почувствовать его способности осмысления мира. Реконструируемая в рамках субъективного семантического пространства индивидуальная система значений выступает своеобразной ориентировочной основой такого эмпатийного процесса, дает ему смысловые опоры. Психосемантический подход позволяет наметить новые принципы типологии личности, где личность испытуемого рассматривается не как набор объектных характеристик в пространстве диагностических показателей, а как носитель определенной картины мира, как некоторый микрокосм индивидуальных значений и смыслов [17].

1.4. Понятие категоризации и психологические исследования

В философии категории трактуются как наиболее широкие понятия. В психологии категоризация понимается скорее как классификация, как процесс отнесения объекта, события, переживания к некоторому классу, и рассматривается в связи с процессами восприятия, мышления, воображения, образованием понятий. В обыденном сознании и так называемом эмпирическом мышлении, которые представляют особый интерес для психологии личности, классификация предметов и образование понятий происходит на основе непосредственно наблюдаемых признаков (категоризация как «означивание» (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.Ф. Петренко). Научно-теоретическое мышление, напротив, «преследует цель воспроизведения развитой сущности предмета» (В.В. Давыдов). В психологии до сих пор нет однозначной трактовки понятия категоризации. В когнитивной психологии термин часто используется как синоним опознания, идентификации, распознавания (У. Найссер).

В психологии социального познания изучалось в основном отнесение воспринимаемого человека к определенной социально фиксированной категории (христианин, американец, студент и т.п.), что является пусковым механизмом актуализации социальной установки, стереотипа. К этим исследованиям примыкают лингвистически ориентированные работы по формированию понятий. Категоризация именно в таком понимании лежит в основе когнитивных трактовок социальной идентичности личности.

Категоризация, включая ее допонятийный уровень, обеспечивает избирательное отражение свойств объекта познания (Д. Брунер, Г. Олпорт) и связана с актуализацией личностных смыслов. В числе устойчивых смысловых образований личности, помимо личностных ценностей и смысловых установок (А.Г. Асмолов), выделяются смысловые конструкторы. Они представляют собой устойчивую категориальную шкалу, выражающую значимость для субъекта определенной характеристики (параметра) объектов и явлений действительности (или отдельного их класса), и выполняющую функцию дифференциации и оценки объектов и явлений по этому параметру, следствием чего является приписывание им соответствующего жизненного смысла (Д.А. Леонтьев). Продуктивным является понятие категориальной установки (А.Г. Шмелев), которая проявляется в том, что в определенных ситуациях (в частности, на фоне определенной мотивации) у субъекта наблюдается повышенная готовность к отнесению объекта в определенную категорию.

Категоризация рассматривается как базовый, собственно личностный процесс, первичный по отношению к стереотипизации, которая иногда трактуется как основной механизм межличностного познания (Г.М. Андреева).

В работах по психосемантике специфичность мировосприятия конкретной личности или группы изучается через присущие ей способы категоризации действительности. Категории в обыденном сознании в отличие от научных и философских категорий представляют собой синкретические, расплывчатые обобщения, часто являющиеся результатом сходства эмоциональных впечатлений от разных объектов и событий, а в качестве их носителя могут выступать понятия, образы, символы, поэтические метафоры (В.Ф. Петренко). Большая часть категориальных систем в опыте общения формируется и функционирует неосознанно, но они доступны реконструкции и рефлексии.

В индивидуальном значении аккумулированы актуальные знания/представления субъекта об объекте, личный опыт действий с ним и связанные с ним эмоциональные переживания. Формируемый в процессе познания или припоминания образ другого человека описывается как значение в пространстве категориальных осей, интегральных факторов-конструкторов, реконструируемых путем построения семантического пространства по результатам субъективного шкалирования. Категориальные структуры, опосредующие межличностное восприятие, обеспечивают личности не просто фиксацию определенных особенностей у других людей, но включают в себя информацию о стратегиях, адекватных в обращении с объектом категоризации (А.Г. Шмелев).

Исследователями рассматриваются функции категоризации, ее виды, формулируются некоторые принципы исследования. Виды категоризации можно выделить по разным основаниям. Некоторые из оснований подходят и для классификации видов категорий как структурных элементов категориальной системы личности. В частности, это основания, задаваемые характером ситуаций межличностного познания (Бодалев А.А.): непосредственная – опосредованная; по образу из памяти – по актуальному впечатлению и т.д. Другие основания различения категоризации – по значимости ситуации или объекта познания: центральная и периферическая; по роли влияния извне: собственная – навязанная; по степени вербализации категорий; по параметричности–метафоричности; по рациональности–эмоциональности и т.д.

Категоризация может идти с разной степенью осознанности и активности субъекта. Активность определяется значимостью ситуации для субъекта, его характерологическими чертами, включая темперамент (например, общей активностью, эмоциональностью) и собственно личностной регуляцией (мотивационной направленностью, принятием или непринятием субъектной позиции).

Личностный подход к изучению категоризации и категориальных структур познания имеет свою специфику по сравнению с общепсихологическим, когнитивистским и психолингвистическим. Он предполагает определение возможных функций категоризации для личности и ее исследование в связи с диспозициями личности. Среди функций выделено поддержание Я-концепции, самооценки, идентичности через создание возможности приписывания определенных черт партнерам по общению и себе; поддержание привычных стилевых стратегий, обусловленных темпераментом и характером; подтверждение ценностей; снятие или смягчение противоречий, когнитивного диссонанса. Категориальные структуры, их изменения могут, напротив, способствовать личностному развитию через создание и разрешение противоречий, например, облегчать борьбу «личности» с «характером». Все эти функции становятся доступны анализу при условии раскрытия диалектических взаимосвязей между особенностями когнитивного структурирования межличностного познания и ценностно-мотивационными образованиями личности [15].

2. ПСИХОСЕМАНТИКА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕТОД

2.1. Семантические пространства

Прямого способа выделения семантических компонентов значения как системы дифференциальных признаков не существует. Ведь значения существуют только в системе значений и раскрываются только через эту систему. Поэтому любой психолингвистический метод включает звено поиска значений, семантически связанных с исследуемым, и фиксирует эти связи в форме матрицы семантических расстояний, семантических полей, тезаурусов, семантических пространств и т.д.

Основной метод экспериментальной психосемантики – построение субъективного семантического пространства (СП). Таковым принято считать совокупность определенным образом организованных признаков, описывающих и дифференцирующих объекты некоторой содержательной области [18]. Построение СП – это попытка передать понятие в простейших, филогенетически и онтогенетически первичных формах восприятия и эмоций, которая выводит нас из системы социальной нормативности, общественной конвенции в мотивационно-потребностную сферу субъекта. Этот метод позволяет реконструировать систему индивидуальных значений и осуществить их модельное представление. *Субъективные семантические пространства* являются операциональным аналогом категориальных структур индивидуального сознания и рассматриваются в качестве языка описания значений, «операциональной метафоры».

Процедура построения семантического пространства включает реализацию трех последовательных этапов.

Первый этап связан с выделением семантических связей анализируемых объектов (понятий, символов и т.д.), т.е. установление смыслового сходства между ними. В качестве методик выделения семантических связей используются прямые методы установления семантических связей между объектами (субъективное шкалирование, метод сортировки) и опосредованные методы (ассоциативный эксперимент, семантический дифференциал).

Второй этап исследования включает математическую обработку исходной матрицы сходства с целью выделения тех универсумов, т.е. факторов, которые лежат в ее основе. Для прямых методов более удобным оказывается использование процедур многомерного шкалирования и кластерного анализа. Для методов опосредованного установления сходства значений более оптимальными являются процедуры факторного анализа, так как эти методы позволяют представить

меры сходства значений в виде матрицы корреляций, полученных через отнесение значений к опосредующему звену.

Третий этап построения семантического пространства связан с интерпретацией выделенных структур. Интерпретация выделенных факторов (кластеров) осуществляется на основе поиска смысловых инвариантов, объединяющих шкалы, сгруппированные в данный фактор. Куб данных, содержащий три независимых источника вариации (испытываемые, понятия, шкалы-дискрипторы), позволяет ставить ряд исследовательских задач. Так, для одного испытуемого или усредненной группы испытуемых можно выделить данные, связывающие шкалы и понятия. По этим данным можно построить матрицу сходства шкал или матрицу сходства понятий. Взяв один-единственный объект анализа, можно подвергнуть рассмотрению взаимосвязь испытуемые – шкалы, построить матрицу сходства испытуемых при работе с данной шкалой или матрицу сходства шкал при оценке данного объекта. Последняя задача приводит к построению частного семантического пространства признаков, характеризующих именно данный содержательный объект. При рассмотрении связи испытуемые – объекты (используемые при работе с одной шкалой) можно, построив матрицу сходства объектов, выявить их группировки по качеству, представленному шкалой-дискриптором или группировки испытуемых в оценке объектов по данному качеству [16].

Подбирая определенный метод построения СП, мы можем описать разные уровни сознания – от чисто когнитивного до глубинных слоев психики.

2.2. Метод семантического дифференциала (СД)

«Семантический дифференциал» (СД) на сегодняшний день является методикой субъективного шкалирования, наиболее известной и часто применяемой в исследовательской и практической работе в данном направлении. Как полагает основатель этой методики Ч. Осгуд, «семантический дифференциал» представляет собой комбинацию процедур шкалирования и метода контролируемых ассоциаций. «СД» – это измерительная техника, основанная на применении факторного анализа к исследованию семантических связей значений, позволяющая моделировать субъективное семантическое пространство.

Согласно Ч. Осгуду, в ответ на слово возникает реакция, имеющая сходство с поведенческой, но более слабая и не проявляющаяся в поведении – это «частичная опосредствующая репрезентативная реакция». А. Пайвио называет эту реакцию «ответной латентной диспозицией». Представляя готовность к определенному поведению, опосредствующая реакция как бы репрезентирует его субъекту.

Основная экспериментальная схема Ч. Осгуда состоит в том, что испытуемым предъявляется набор стимулов (чаще всего понятий) и предлагается прошкалировать каждый стимул по составленному экспериментатором набору градуированных оппозиционных шкал – семантическому дифференциалу. В качестве признаков-шкал служат антонимические прилагательные, которые описывают простейшие, первичные формы восприятия и эмоций: «холодный – теплый», «тупой – острый» и т.д. Предполагается, что человек способен оценить изучаемый объект, соотнося интенсивность внутреннего переживания с заданной оценочной шкалой. Каждая шкала имеет 7 делений, которые фиксируют различные степени данного качества объекта. Шкалирование по отдельной шкале состоит в том, что испытуемый, оценивая стимул, приписывает ему число (у Ч. Осгуда – «дискретный балл») из данного экспериментатором интервала значений. Шкалы, коррелирующие между собой, группируются в независимые факторы, образующие семантическое пространство. Психологическим механизмом, обеспечивающим связь и группировку шкал в факторы, Ч. Осгуд считал явление синестезии.

По мнению Е.Ю. Артемьевой, возможность быстрого подбора семантического аналога объекта (объекта с близким семантическим кодом) среди объектов другой сенсорной модальности и даже другой природы заставляет предполагать, что есть некоторая единая для всех объектов мира психическая реальность, переживание которой и порождает семантическое атрибутирование. Тогда шкалы «семантического дифференциала» являются метафорами, переносящими эту реальность в систему атрибутивных прилагательных естественного вербального языка. Понятно, что природа этих метафор вряд ли настолько проста, что сохраняет основания переноса для всех ситуаций оценивания, всех объектов и хотя бы всех шкал в одной ситуации оценивания. Оценка, обычно, складывается из денотативного (предметного) и коннотативного (аффективного) компонентов и, если объекты сопоставимы, то они могут сопоставляться только на поле коннотации, ибо денотаты являются внутрисистемными свойствами объектов и не допускают прямого межсистемного переноса [1].

Семантический дифференциал помогает измерять так называемое коннотативное значение, т.е. не объективные характеристики, а «состояния, которые следуют за восприятием символа-раздражителя и необходимо предшествуют осмысленным операциям с символами» [30]. Коннотативное значение характеризует субъект оценки – человека, а денотативное – объект оценки, выражая его предметные, независимые от субъекта свойства. Денотативное значение объективно, межличностно, познавательно, т.е. имеет характеристики когнитивного уровня сознания; коннотативное – субъективно, индивидуально,

ценностно, т.е. описывается в тех же терминах, что и аффективный уровень.

Заданные биполярные шкалы СД выполняют несколько функций [29]:

- поддержка (формулировки полюсов шкал помогают испытуемому вербализовать свою реакцию на стимул);
- концентрация (внимание испытуемого ограничивается и концентрируется именно на тех свойствах стимула, которые интересуют экспериментатора);
- стандартизация (обеспечивается возможность формализованного сравнения и суммирования результатов шкалирования разных стимулов, разными людьми, что дает возможность выполнять математическую обработку методами многомерного анализа и выстраивать субъективное семантическое пространство).

Шкалы вербального семантического дифференциала (В.Ф. Петренко, 1983) [18]:

- чистый – грязный
- сильный – слабый
- тяжелый – легкий
- большой – маленький
- опасный – безопасный
- пассивный – активный
- быстрый – медленный
- плавный – порывистый
- единый – дискретный
- редкий – частый
- кратковременный – длительный
- страстный – равнодушный
- единичный – повторяющийся
- устойчивый – изменчивый
- предсказуемый – непредсказуемый
- расплывчатый – четкий
- теплый – холодный
- упругий – пластичный
- упорядоченный – хаотичный
- мягкий – твердый
- грубый – нежный
- светлый – темный
- тихий – громкий
- движущийся – неподвижный
- густой – жидкий

- яркий – тусклый
- таинственный – обычный
- поднимающийся – опускающийся
- страдающий – наслаждающийся
- жестокий – добрый
- приятный – неприятный
- живой – безжизненный
- здоровый – болезненный
- веселый – грустный
- несчастный – счастливый
- пессимистичный – оптимистичный
- поощряемый – наказуемый
- красивый – безобразный
- сложный – простой
- полезный – бесполезный
- осознанный – неосознанный
- неограниченный – ограниченный
- возбужденный – расслабленный
- высокообразный – низкообразный
- конкретный – абстрактный

Необходимо подчеркнуть, что шкалы СД не описывают реальность, а являются метафорическим выражением состояний и отношений субъекта. В семантическом пространстве, построенном на основе этих шкал, мы имеем возможность отражать личностный смысл какого-либо объективного значения. В полученном пространстве аффективных значений фиксируется сближение понятий, на которые человек реагирует сходным образом, и разведение понятий, имеющих различный эмоциональный фон. Расстояние между понятиями выражается определенным числом (семантическое расстояние), что в общем виде позволяет различать оценки: одного и того же понятия разными индивидами (или группами); разных понятий одним и тем же индивидом (или группой).

Реконструируя модель этого субъективного пространства, исследователь получает возможность взглянуть на мир как бы через призму сознания самого субъекта.

На основе анализа индивидуальных данных одного испытуемого можно реконструировать «субъективное семантическое пространство»: модельное представление системы значений в виде системы координатных осей, соответствующих наиболее существенным интегративным базисным взаимно независимым (ортогональным) признакам, используемым определенным субъектом в заданной предметной

области [18]. Математическое построение семантического пространства является переходом от базиса большей размерности (признаков описания) к базису меньшей размерности (категориям-факторам).

В своих многочисленных исследованиях Ч. Осгуд вместе с десятками соисполнителей из многих стран мира показал, что при шкалировании по наиболее универсальным оценочным шкалам максимально разнородного набора понятий из разных предметных областей наиболее важными весомыми базисными факторами групповых семантических пространств оказываются факторы ЕРА – Оценка, Сила, Активность (Ewaluation – Potenzy – Activity). Исследования во многих языковых культурах явились очень серьезным аргументом устойчивости системы ЕРА [29]. Универсальность СП по отношению и к объектам измерения, и к респондентам объясняется универсальностью, общностью для всех людей эмоционального кода. Таким образом снимается проблема языкового понимания.

Однако оказалось, что факторные структуры чувствительны к кругу шкалируемых понятий, на базе которых они построены. Дальнейшая адаптация методики «СД» идет как по линии построения частных семантических пространств для достаточно широких понятийных классов, так и проявляется в попытках расширения набора ведущих базисных факторов аффективного (универсального) пространства. Бентлер и Лавойе [16] расширили универсальное семантическое пространство и наряду с факторами «Оценка», «Активность», «Сила», выделили такие факторы, как «Плотность», «Упорядоченность», «Реальность», «Обычность».

На материале русской лексики В.Ф. Петренко [18] были получены близкие результаты и выделены следующие факторы: «Оценка» (приятный – неприятный, светлый – темный, красивый – безобразный); «Активность» (активный – пассивный, возбужденный – расслабленный, быстрый – медленный); «Упорядоченность» (упорядоченный – хаотичный, устойчивый – изменчивый, неподвижный – движущийся); «Сложность» (сложный – простой, таинственный – обычный, неограниченный – ограниченный); «Сила» (большой – маленький, сильный – слабый, тяжелый – легкий); «Комфортность» (безопасный – опасный, мягкий – твердый, нежный – грубый).

Дальнейшие исследования обнаружили, что объекты, относящиеся к различным семантическим областям (например, к сфере политики, искусства, межличностных отношений и т.д.), изменяют измеряющие их шкалы в направлении денотативности (т.е. характеристик объекта). Получаемые частные СП могут иметь разную размерность, содержание выделяемых факторов, однако все они – конкретизация базисных факторов и сохраняют с ними корреляционные связи [18].

Выбор шкал, т.е. определение первоначального набора признаков для построения частного СП, – чрезвычайно важный, творческий процесс. От выбранных признаков зависит тот уровень осознанности, на котором респондент будет оценивать измеряемый объект. Делая упор на денотативные шкалы, мы расширяем СП, увеличивая информацию об объектах и неизбежно теряя информацию о субъектах. Делая упор на коннотативные, чисто метафорические шкалы, мы возвращаемся к трехфакторному СП, получая универсальную категориальную структуру индивидуального сознания, но теряем информацию об объекте.

Одной из разновидностей частных семантических пространств являются так называемые *личностные семантические дифференциалы*, построенные на базе прилагательных, обозначающих черты личности и характера, и ориентированные на оценку самого себя или другого человека.

На материале русского языка построение личностного СД осуществлялось в нескольких вариантах (Бажин, Эткинд, 1983; Петренко, 1983; Шмелев, 1982; Шмелев, Похилько, Козловская-Тельнова, 1991; Бондаренко, 1991). Примером такого рода методик может служить методика ЛД, адаптированная сотрудниками психоневрологического института им. В.М. Бехтерева (см. прил.).

В целом, подводя итог рассмотрению методик класса «семантический дифференциал», можно выделить следующие тенденции их развития.

1. Переход от построения универсальных семантических пространств, дифференцирующих лексику из самых различных понятийных классов, к построению частных семантических пространств для узких понятийных классов (например, личностный семантический дифференциал «ЛД»).

2. Расширение средств описания анализируемых объектов, использование невербальных, в частности визуальных, противопоставлений для построения шкал.

3. Переход от построения пространств на основе среднегрупповых данных случайно отобранных испытуемых к построению семантических пространств, характеризующих группу испытуемых, объединенных по контролируемому признаку (полу, возрасту, социальной принадлежности и т.п.), или к построению семантических пространств, отражающих дифференциально-психологические аспекты личности испытуемого, его когнитивного стиля.

Применение метода СД в исследовании индивидуальной системы категоризации имеет недостаток, связанный с тем, что, задавая список шкал для оценки объектов, экспериментатор невольно навязывает оценки качеств, такие линии дифференциации исходного мате-

риала, которые могут быть и несвойственны самому испытуемому. И наоборот, предлагаемый исходный список шкал может не отражать свойства объектов, соответствующих восприятию испытуемого. Этот недостаток отчасти устраняется за счет того, что при построении семантического пространства единицами описания объектов являются не отдельные шкалы, а факторы обобщения множества шкал, и отсутствие какой-либо шкалы, отражающей значимое для субъекта свойство, может компенсироваться наличием других шкал, входящих в тот же фактор. Гораздо более существенно, если экспериментатор «проглядел» целое измерение (фактор) и не представил шкалы, репрезентирующие его.

Одним из методов, устраняющих «навязывание» шкал испытуемому экспериментатором, является метод «личностных конструктов», разработанный Дж. Келли применительно к исследованию личности. Тем не менее принципы этой методики могут быть распространены и на более широкие области экспериментальной семантики.

2.3. Метод личностных конструктов Дж. Келли

В основе этого метода лежит теория личностных конструктов, выдвинутая Келли в 1955 г. В его работах была развита мысль Дж. Брунера об индивидуально-личностных эталонах восприятия окружающего мира и предложен метод операционального изучения «имплицитных теорий личности». По Келли, «личностные процессы направляются по руслам конструктов, которые служат средствами предвидения событий». Под личностными конструктами понимается система бинарных оппозиций, используемых субъектом для категоризации себя и других людей. Содержание противопоставления при этом определяется не языковыми нормами, а представлениями самого испытуемого, его «имплицитной теорией личности». Личностные конструкты отражают своеобразие индивидуальной системы антонимии. Например, описание взрослыми испытуемыми сказочных героев по униполярным шкалам и последующая группировка шкал в факторы показали, что существительное «плакса» противопоставляется по одному из факторов качествам «драчливый», «храбрый», у испытуемых мужчин и качествам «грубый», «злой», у женщин. Т.е. женщины трактуют слово «плакса» как полюс конструкта «слабый, но хороший» в оппозиции «сильному, но плохому».

Своеобразные познавательные конструкты ребенка отражены в суждениях типа «грязная рубашка теплее» или «пароход не тонет, потому что он большой», т.е. конструкт может быть «склежкой» нескольких качеств, которые в действительности не взаимосвязаны. В ходе обучения или психотерапии может происходить ломка старых

неадекватных познавательных конструкторов и образование новых, более адекватных.

Близким к понятию личностных конструкторов является понятие категориальной структуры индивидуального сознания [16]. Личностные конструкторы определяют ту систему субъективных категорий, через призму которых субъект осуществляет межличностное восприятие. Чем шире набор личностных конструкторов у субъекта, тем более многомерным, дифференцированным является образ мира, себя, других, т.е. тем выше его когнитивная сложность. Методика Келли позволяет выразить меру когнитивной сложности численно, как количество независимых (несинонимичных) конструкторов, используемых субъектом для дифференциации некоторой содержательной области.

В классическом варианте методики Келли испытуемым предъявлялись сгруппированные в триады репертуарные позиции типа «друг того же пола», «отвергающий вас человек, к которому вы привязаны», «человек, перед которым вы испытываете чувство вины», «угрожающим вам человек», «привлекательный человек» и т.д. От испытуемого требовалось, подставив на место каждой репертуарной позиции какого-либо конкретного, хорошо ему известного человека, совершить триадический выбор: объединить двух каких-либо персонажей по какому-либо качеству и противопоставить им третьего как обладающего противоположным качеством. Например, А и Б – вежливые, а В – невоспитанный.

Выделенный на базе тройки персонажей личностный конструктор далее распространяется на все другие персонажи. И от испытуемого требуется определить, к какому из полюсов личностного конструктора относится каждый персонаж из списка репертуарных позиций. Возможна модификация этой процедуры, когда все персонажи ранжируются по оси личностного конструктора. В любом варианте получается строка чисел, дифференцирующих персонажи по данному конструктору. В качестве меры сопоставления (синонимичности) пар конструкторов используется коэффициент корреляции Пирсона или коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Хотя испытуемые могут использовать для дифференциации персонажей различные личностные конструкторы (разные формулировки), некоторые из них в плане дифференциации персонажей синонимичны, т.е. хотя «говорятся разные слова», испытуемый мыслит практически одно качество. Например, при сходной дифференциации персонажей по конструктору «плохие–хорошие» и «умные – глупые» эти два измерения для испытуемого оказываются синонимичными, т.е. несмотря на разные формулировки, имеется некоторое общее основание, которым пользуется испытуемый.

Количество независимых, несинонимичных, некоррелирующих конструкторов, использованных испытуемым, определяет его когнитив-

ную сложность в данной содержательной области. Сознание человека гетерогенно, и для разных содержательных областей возможна различная когнитивная сложность для одного и того же субъекта.

В целом достоинством методики личностных конструкторов Келли, как уже отмечалось, является то, что испытуемые сами (в отличие от методики семантического дифференциала) формируют содержание шкал-измерений. Но это достоинство методики оборачивается недостатком при работе с испытуемыми с низким уровнем речевого развития, так как задача сформулировать сходство и различие предлагаемых объектов (в процедуре триадического выбора) требует определенного речевого навыка. Кроме того, использование для построения семантических пространств индивидуального набора порождаемых испытуемыми шкал делает трудносопоставимыми результаты отдельных испытуемых в силу различия содержания шкал-измерений для индивидуальных семантических пространств, оставляя возможность такого сопоставления только по параметру когнитивной сложности (числу независимых факторов семантического пространства). В исследованиях часто используется компромиссный вариант процедуры построения семантического пространства: получая от испытуемых первичный набор шкал с помощью методики личностных конструкторов Келли, затем отбирается единый набор шкал для всех испытуемых с целью проведения оценок объектов методом СД.

2.4. Метод субъективного шкалирования

Этот метод, заимствованный из классической психофизики (Вудвортс, Шлосберг, 1974), является простым и прямым методом получения матрицы семантического сходства. Перед испытуемыми ставится задача оценить «сходство значений» с помощью некоторой градуальной шкалы. Например, в экспериментах Рубинштейна и Гуднау (1965) это была пятизначная шкала, где «0» обозначал низшую степень сходства, а «4» – высшую. В экспериментах А.П. Клименко (1970) использовалась десятибалльная градуальная шкала. Как полагает Миллер (1971), прямой метод шкалирования дает наиболее точные результаты по сравнению с техникой косвенной оценки, но характеризуется значительной трудоемкостью. Так, исследование семантических отношений и объектов требует для построения матрицы сходства $n(n - 1) / 2$ попарных сопоставлений.

Примером использования метода субъективного шкалирования с последующей обработкой данных с помощью многомерного шкалирования может служить работа Рипса, Шобина, Смита, посвященная реконструкции семантического пространства названий птиц и животных. В этой работе испытуемых просили оценить по четырехбалльной

шкале степень субъективного сходства 12 названий птиц, а также слов *птица* и *животное*. Среднегрупповая матрица расстояний (которая обратно пропорциональна матрице сходства объектов) подвергалась процедуре многомерного анализа. Математически процедура многомерного шкалирования заключается в определении координатных проекций точек на некоторые координатные оси, исходя из известных расстояний между этими точками.

В рассматриваемом эксперименте было выделено двухмерное семантическое пространство, удовлетворительно описывающее исходные матрицы данных. На основе найденных нагрузок каждого слова по каждому из выделенных факторов-осей семантического пространства были реконструированы координаты этих слов в семантическом пространстве (рис. 1).

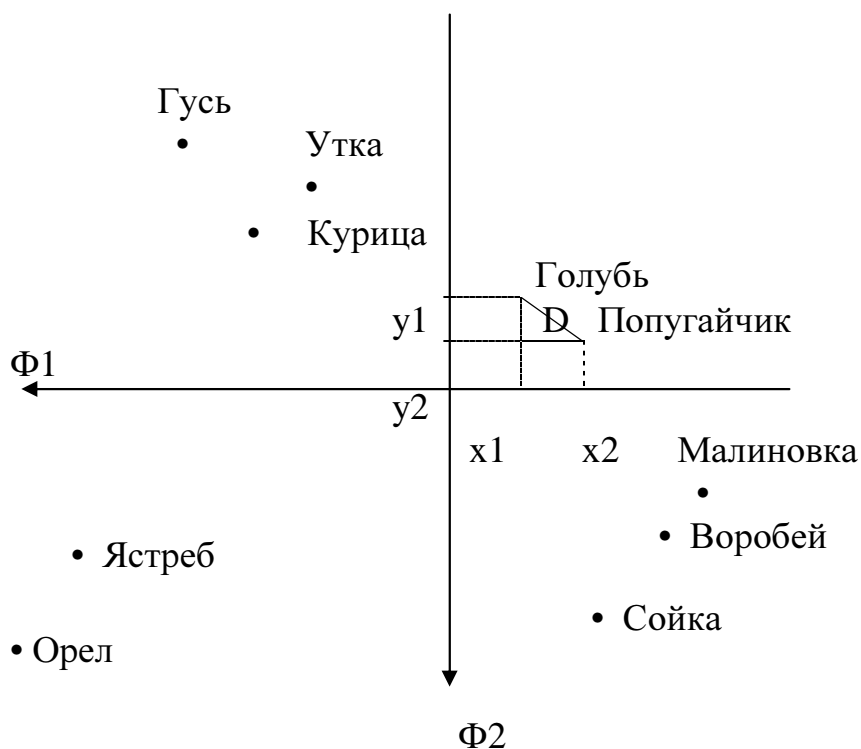

Рис. 1. Семантическое пространство названий птиц ($\Phi 1$, $\Phi 2$).

Горизонтальную ось семантического пространства – $\Phi 1$ – авторы интерпретировали как фактор «размер» (орел, ястреб, гусь, курица, утка, голубь и т.д.), а вертикальную – $\Phi 2$ – как фактор «дикость» (орел, сойка, ястреб, воробей) в оппозиции домашним птицам (курица, утка, гусь). Построенное пространство является не только компактной формой описания и дифференциации анализируемой лексики, но и обладает статусом модельного представления вербальной семантической памяти, позволяющего предсказать некоторые закономерности ее функционирования. Согласно этой модели, значения слов записы-

ваются в памяти как наборы их семантических характеристик, и чем ближе расположены слова в семантическом пространстве, тем более они близки по содержанию. Семантическое расстояние между, например, значением слова «голубь» и значением слова «попугайчик» будет определяться расстоянием между двумя точками – координатами этих значений в двухмерном пространстве – и вычисляется по формуле:

$$D \text{ (семантическое расстояние)} = \sqrt{(\delta_1 - \delta_2)^2 + (\delta_1 + \delta_2)^2}$$

В общем виде семантическое расстояние между объектом и объектом в n -мерном пространстве определяется по формуле:

$$D_{ij} = \sqrt{\sum_{k=1}^n (X_{ik} - X_{jk})^2}$$

где X_{ik} – вес i -го объекта по k -му фактору; X_{jk} – вес j -го объекта по k -му фактору.

Многомерное шкалирование как процедура математической обработки данных наиболее типична для метода субъективного шкалирования. Но не исключено применение к матрице данных, полученных с помощью субъективного шкалирования, процедур факторного и кластерного анализа.

Методически факторизация матриц сходства, построенных с помощью субъективного шкалирования, может осуществляться двумя способами: 1) когда нормированный коэффициент субъективного сходства рассматривается как приближение к коэффициенту корреляции; 2) когда в основе оценок субъективного сходства каждой пары объектов со всеми другими объектами вычисляется коэффициент корреляции этой пары объектов, который и рассматривается как мера их сходства. Эти допущения и позволяют перейти от матрицы субъективного сходства к матрице корреляции, которая подвергается факторному анализу.

2.5. Ассоциативный эксперимент

Ассоциативный эксперимент является одной из наиболее разработанных техник семантического анализа. Этот метод подробно описан в работах Дж. Диза (1962; 1964), Диксона и Хортон (1968), Крильмана (1965). Анализ психологической природы процессов, лежащих в основе ассоциаций, дан в работах А.А. Леонтьева (1965, 1967, 1969, 1971, 1976, 1977); Л.Б. Ительсона (1970, 1972); А.А. Брудного (1964, 1971); Б.А. Ермолаева (1973, 1974); Б.А. Ермолаева, В.Ф. Петренко (1976).

Общая схема ассоциативного эксперимента такова: испытуемому предъявляется слово-стимул и требуется дать первые пришедшие на ум ассоциации, причем возможен как свободный ассоциативный эксперимент, где испытуемый не ограничен в выборе возможных ассоциаций, так и направленный, где его ассоциативный поток ограничен по инструкции рамками некоторого грамматического класса. Принято подразделять ассоциации на парадигматические и синтагматические. *Парадигматические* ассоциации представляют собой слова-реакции того же грамматического класса, что и слова-стимулы (например, отец–мать, стул–стол, и т.д.). Парадигматические ассоциации подчиняются принципу «минимального контраста», сформулированному Мак-Нейлом (1970), согласно которому, чем меньше отличаются слова-стимулы от слов-реакций по составу семантических компонентов, тем более высока вероятность актуализации слова-реакции в ассоциативном процессе. Раскрытие принципа «минимального контраста» делает понятным, почему по характеру ассоциаций можно восстановить семантический состав слова-стимула: множество ассоциаций, даваемых на слово, содержит ряд признаков, аналогичных содержащимся в данном слове.

Синтагматическими ассоциациями называются ассоциации, грамматический класс которых отличен от грамматического класса слова-стимула (машина – едет, курить – плохо и т.д.). В первом приближении можно интерпретировать парадигматические ассоциации как отражающие языковые отношения, а синтагматические – речевые отношения (Городецкий, 1969).

Ассоциативный эксперимент проводится обычно на большом количестве испытуемых, и на основе данных ими ассоциаций можно построить таблицу частотного распределения слов-реакций на каждое слово-стимул. Мерой семантической близости (расстояния) пары слов признается степень совпадения распределения ответов, т.е. степень подобия объектов анализа устанавливается через сходство данных на них ассоциаций. Величина эта фигурирует в работах разных авторов под названиями: «коэффициент пересечения», «коэффициент ассоциации», «мера перекрытия».

Примером реконструкции семантического состава слова на основе ассоциативного эксперимента может служить ставшая уже классической работа Диза «Структура ассоциативного значения» (1962). В этой работе матрицы расстояний вторичных ассоциаций на слово-стимул (т.е. ассоциации на ассоциации) подвергались процедуре факторного анализа. Выделенные факторы получали содержательную интерпретацию и выступали как семантические составляющие значения. А.А. Леонтьев, комментируя результаты Диза, полагает, что они «ясно показывают саму возможность выделить на основе формальной обра-

ботки данных ассоциативного эксперимента факторы, которые можно интерпретировать содержательно как семантические компоненты слов, исследуемых в эксперименте» (Леонтьев А.А., 1971). Главным преимуществом ассоциативного эксперимента является его простота, удобство применения, так как он может проводиться с большой группой испытуемых одновременно. Испытуемые работают со значением в «режиме употребления», что позволяет выделять и некоторые неосознаваемые компоненты значения.

Как отмечают А.Е. Супрун, А.П. Клименко и Л.Н. Титова (1975), характер ассоциаций зависит от возраста, пола, образовательного уровня, профессии испытуемых. Это значит, что ассоциативная техника отражает как когнитивные структуры, стоящие за языковыми значениями, так и индивидуальные особенности испытуемых, их личностные смыслы. Последующая статистическая обработка отчасти нивелирует этот «привкус» личностного смысла, выделяя аспекты, инвариантные для всей группы испытуемых.

Недостатком метода является его чувствительность к фонологическому и синтаксическому сходству. Как показали исследования А.Е. Супруна, А.П. Клименко и Л.Н. Титовой (1975), большая часть ассоциаций обусловлена речевыми штампами, клише. Важно отметить, что план вербальных ассоциаций не соответствует полностью плану предметных отношений. Так, например, в экспериментах Карвоски (1944) и Доркуса (1932) показано, что цвета ассоциируются иначе, чем слова, их обозначающие.

2.6. Метод семантического радикала (СР) А.Р. Лурия и О.С. Виноградовой

Данный метод принадлежит к числу условно-рефлекторных, где критерием семантической близости исследуемых объектов является перенос условно-рефлекторной реакции с одного объекта на другой, семантически с ним связанный. Так, в эксперименте А.Р. Лурия и О.С. Виноградовой (1971) предъявление понятий узкого семантического класса сопровождалось подкреплением – ударом электротока. Дальнейшие предъявления семантически связанных понятий вызывали оборонительную реакцию, фиксирующуюся с помощью плетизмографа, а понятия, более косвенно связанные с подкрепляемым, вызывали ориентировочную реакцию. Таким образом строилось семантическое поле объектов, связанных с исследуемым, причем по силе реакции можно было выделить центр и периферию этого семантического поля.

В исследовании Ф.В. Петренко [7] ставилась задача сопоставления результатов, полученных с помощью двух методик: метода се-

мантического дифференциала и метода семантического радикала. Использовалась модифицированная методика «искусственного понятия» Выготского–Сахарова, но в отличие от последней использовались не объемные тела, а плоскостные фигуры. В качестве признака, объединявшего входящие в объем понятия фигуры, подкреплялись ударом электротока. Испытуемых просили выделить основание для «классификации» – характер подкрепляемых фигур. На разных стадиях эксперимент временно прерывался, и испытуемых просили дать оценку подкрепляемых фигур с помощью набора семибалльных шкал, а также высказать гипотезу. В отличие от классического метода СД шкалы были ориентированы на денотативные компоненты – параметры геометрических фигур (например, замкнутый – незамкнутый, сужающийся – расширяющийся, большой – маленький, острый – тупой, простой – сложный, гармоничный – дисгармоничный и т.д.; всего 25 шкал). Такое шкалирование проводилось с целью выделения признаков, на которые сознательно ориентируются испытуемые в суждении о характере подкрепляемых фигур. В ходе этого эксперимента проводилась плетизмографическая запись оборонительной реакции, тем самым параллельно методике СД применялась методика СР А.Р. Лурия, позволяющая выявлять, входят ли предъявляемые фигуры в формируемое обобщение «опасные» (подкрепляемые) фигуры, т.е. в объем задуманного искусственного понятия.

Выполняя поставленную задачу, испытуемые использовали различные стратегии отбора информации (выделения признаков), близкие к выделенным Брунером (1956). Стратегию фокусировки – когда испытуемый имеет дело не с конкретной гипотезой, а пытается выделить существенные признаки, которые могут лечь в основу построения правильной гипотезы, ориентируясь на всю предъявляемую информацию. Стратегию последовательного опробования – когда испытуемый имеет дело каждый раз только с одной гипотезой и оценивает последовательные порции информации (ориентируется в признаках только с точки зрения этой гипотезы). Стратегию одновременного опробования – когда испытуемый пытается сформировать понятие, выдвигая и оценивая одновременно ряд гипотез при каждом появлении новой информации.

Большинство испытуемых рано или поздно приходило к правильному решению. При этом условно можно выделить три группы испытуемых. Испытуемые первой группы успешно справились с заданием и смогли дать как адекватную вербальную гипотезу, так и адекватный профиль оценок по методу СД. Испытуемые второй группы затруднялись высказать адекватную гипотезу, но, тем не менее давали адекватные оценки по шкалам СД, т.е. ориентиры выделяли правильно, но затруднялись «выразить мысль в слове». Как для первой, так и

для второй группы испытуемых результаты, полученные с помощью методик СД и СР, оказались согласованными, т.е. если испытуемый полагал (и соответственно оценивал это при помощи шкал), что некоторые свойства значимы для подкрепляемых фигур, то он давал и оборонительные реакции на все новые фигуры, обладающие этими свойствами. Наиболее интересные результаты были получены для третьей группы испытуемых, которые после основной, а затем и после дополнительной серии так и не смогли прийти к адекватной гипотезе. Оценки по шкалам СД у этих испытуемых также были неадекватны. Но, начиная с некоторого момента эксперимента, они начали давать оборонительные реакции (по методике семантического радикала) на объекты, подкрепляемые ударом электротока, т.е. входящие в объем понятия. Таким образом, не давая себе отчета в принципе классификации системы значимых ориентиров, эти испытуемые устанавливали семантические связи на неосознаваемом уровне.

Приведенный эксперимент свидетельствует о том, что с помощью метода семантического радикала можно исследовать динамику семантических систем на неосознаваемом уровне, образующем, по мысли А.Р. Лурия, фон любого познавательного процесса. Итак, сильной стороной метода семантического радикала является возможность использовать его в исследованиях семантических признаков и на осознаваемом и на неосознаваемом уровнях. К недостаткам его в том виде, в каком он используется, следует отнести его малую дифференцирующую силу: в одном семантическом поле оказываются объекты, объединенные по разным основаниям.

2.7. Метод подстановки

Психолингвистический метод подстановки родственен лингвистическому методу дистрибутивного анализа. Дистрибутивное сходство двух слов пропорционально количеству контекстов, в которых эти слова взаимозаменяемы. В лингвистике эта мера выводится на основе анализа большого количества текстов и обычно вычисляется автоматически с помощью ЭВМ. В отличие от дистрибутивного анализа, где взаимозаменяемость слов устанавливается через анализ текстов, в методе подстановки в роли эксперта выступает испытуемый, который делает заключение о возможности замены слов в некотором контексте. Примером использования этого метода может служить работа Стефри. Испытуемые строили предложения, включающие исследуемые слова, а затем делали заключение о возможности замены оригинальных слов предложенными экспериментатором. Таким образом строились матрицы сходства, где мерой сходства пары слов выступало количество общих для них контекстов. Обычно этот метод исполь-

зуется для семантического анализа довольно узких групп лексики. Так, Джонс, например, применял этот метод для выделения смысловых нюансов английских синонимов.

Модификацией метода подстановки является метод незаконченных предложений, предложений с пропуском, где заполнение недостающего звена взаимозаменяемыми словами говорит о семантической близости этих слов.

К дистрибутивным методам, т.е. методам, основанным на сопоставлении контекстов, в которых употребляется исследуемая лексика, относятся и различные тесты на рассмотрение лексической сочетаемости. Иногда последние комбинируются с процедурой шкалирования. Например, в работе А.П. Клименко (1970) испытуемые оценивали возможности сочетания исследуемых слов в связном высказывании по пятибалльной шкале. Таким образом можно построить процедуру, где возможность замены слов в контексте будет оцениваться количественно, характеризуя их стилистическую правильность.

2.8. Метод классификации

Этот метод, разработанный в первую очередь Миллером (1969, 1971), основан на допущении, что формы классификации материала соответствуют внутренним семантическим связям этого материала и что структура последних может быть выражена в процедуре классификации.

Суть самой методики чрезвычайно проста. Испытуемым предлагается классифицировать материал (обычно слова) в произвольное количество групп, причем в группу может входить произвольное количество объектов (слов). Результаты классификации суммируются по матрице, где мерой семантического сходства пары объектов выступает количество отнесений их испытуемым в один класс. Матрицы сходства затем подвергаются процедуре кластерного анализа, разработанного Джонсоном (1967), хотя не исключена возможность обработки их и с помощью факторного анализа.

Процедура кластеризации состоит в том, что исследуемый материал дифференцируется в ряды кластеров – объединений этого материала на разных уровнях семантической близости. В результате обработки получается дерево кластеризации – структура последовательной дихотомии материала. Примером может служить кластер-анализ Миллера на основе данных ассоциативного эксперимента Диза, рассмотренных ниже (рис. 2). Выделенные три кластера в целом близки факторной структуре, полученной в эксперименте Диза.

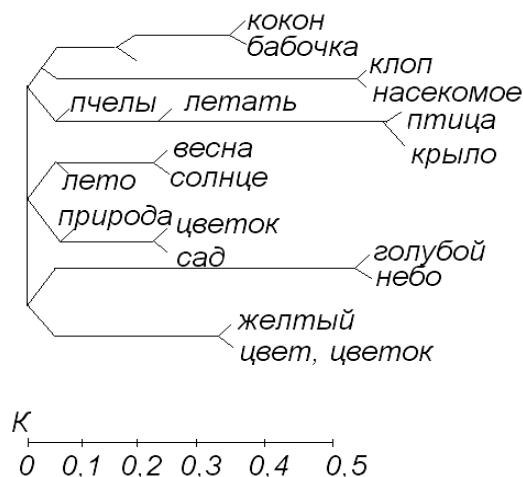

Рис. 2. Фрагмент диаграммы Дж. Миллера по результатам ассоциативного эксперимента.

Как показали исследования Англин (1965), метод классификации, используемый для анализа лексики, оказывается чувствительным как к семантическим, так и к синтаксическим различиям. В работе Миллера ставилась задача сопоставить результаты, получаемыми методами шкалирования. Испытуемые непосредственно классифицировали шкалы-антонимы, применявшиеся Осгудом. Построенное семантическое пространство на основе факторов-определителей выделенных кластеров оказалось более дифференцированным. Так, осгудовский фактор «Оценка» оказался представленным тремя составляющими, которые интерпретировались как «моральная», «интеллектуальная» и «эстетическая» оценки.

Этот факт большей дифференцирующей силы метода классификации по сравнению с методом СД и возможность этого метода непосредственно оперировать исследуемым материалом (изображениями), не прибегая к косвенным оценкам через вербальные описания, дает возможность использовать этот метод при исследовании семантики визуального образа.

2.9. Методы косвенного опосредованного исследования семантики

Среди семантических методов имеется ряд таких, в которых установление семантических связей исследуемого материала осуществляется опосредованно, через характер и особенности протекания психических процессов переработки этого материала, таких как вербальное научение, запоминание и распознавание, переключение внимания и т.д.

Примером подобных методик могут служить:

- 1) работы, где исследовалась успешность запоминания в зависимости от семантической организации предъявляемого материала.

Последовательная сортировка предъявляемого материала (набора слов) в семантически связанные группы значительно улучшала результаты запоминания и последующего воспроизведения;

- 2) Эксперименты с парноассоциативным переносом, где в результате замены слова-стимула на семантически близкие слова (причем степень близости варьируется) или на слова, фонетически близкие (рифмы), менялась успешность воспроизведения слов-реакций;
- 3) Эксперименты с хронометрированием времени вынесения суждения об истинности или ложности некоторого утверждения (1969). Эти исследования показали, что семантическое расстояние между объектами зависит также от уровней семантической организации, к которой принадлежат исследуемые объекты. Так, например, вынесение суждения относительно истинности утверждения: «Канарейки–птицы» требует меньшего времени, чем относительно утверждения «Канарейки–животные», так как верификация последнего требует промежуточного шага о констатации того, что канарейки, входя в разряд птиц, входят и в класс животных. Таким образом, семантическое расстояние объектов разного уровня общности определяется как движением в плоскости их содержания, так и в плане отношения их уровня обобщенности;
- 4) Эксперименты с биноуральным предъявлением звуковых стимулов, которые показали, что переключение внимания с одного слухового канала на другой определяется семантической связностью подаваемой по обоим каналам информации. Так, в работе Т. Смит и М. Грин (1974) показано, что при инструкции испытуемым воспринимать списки слов, поступающие только по одному каналу, предъявление по иррелевантному каналу слов, семантически связанных со словами релевантного, вызывает большее количество ошибок узнавания и увеличивает латентное время суждения.

Приведенные выше исследования показывают возможность опосредованного изучения семантики. Тем не менее перечисленные методы достаточно грубы, ибо дают только приблизительную, скорее качественную, чем количественную, оценку, и обычно используются в обратном отношении: в изучении влияния «семантической дистанции» на процессы хранения, воспроизведения, узнавания, обучения и т.д., т.е. семантика выступает в этих исследованиях в роли контролируемого параметра, определяемого с помощью других методов.

Рядом исследователей отмечалось, что центральная проблема семантического анализа состоит в том, что нет принципиального пре-

дела для количества семантических признаков, и их число зависит от тонкости семантического анализа. Бессмысленно говорить о значении знака вне некоторой знаковой системы. Элементы системы не являются чем-то более генетически ранним или первичным. Они возникают или развиваются вместе с возникновением системы и функционируют только внутри нее. В этом смысле количество семантических признаков слова не есть независимая характеристика этого слова, а зависит от количества семантических связей этого слова с другими, от той понятийной сетки, в которую оно входит.

Применительно к любому эмпирическому анализу значения мы должны ясно осознавать, что мы так или иначе изучаем контекстуальное значение, так как возможность актуализации тех или иных семантических признаков зависит от общей выборки значений, внутри которой анализируется данное. От интуиции и умения экспериментатора зависит сделать репрезентативную выборку объектов, адекватную конкретной задаче.

В плане составления адекватного набора большие возможности открывает метод СД, где сам экспериментатор задает широту семантического класса анализируемых объектов и в зависимости от лексического наполнения шкал может ориентировать метод как на выделение оценочных (коннотативных) признаков, так и более предметных (денотативных). Таким образом, полученные в результате факторного анализа структуры обобщений будут отражать формы обобщений, выделенные по разным основаниям. Проследить их генетическую преемственность – задача уже другого рода.

Метод СД можно сравнить с фотокамерой, имеющей сменные объективы, где аналогом последних выступает характер лексического наполнения шкал. Строим шкалы, ориентированные на предметные признаки, – и объект выступает в деталях, но в поле зрения попадает только часть мира (категориальные решетки узких денотативных факторов). Нацелим шкалы на универсальные эмоционально-оценочные признаки – мир удалится, объекты станут менее детализированными – зато все обозримо. Точно так же и метод шкалирования в зависимости от характера инструкции позволяет выделять более тонкие или более грубые основания для классификации заданных объектов, т.е. выделять более мелкие или более крупные структуры внутреннего алфавита семантического анализа испытуемых [18].

Таким образом, большие степени свободы метода СД и метода шкалирования позволяют и большую свободу в постановке задач экспериментатором, а априори и произвольность выбора шкал могут оборачиваться не недостатком, а достоинством метода, если эта дополнительная степень свободы сознательно контролируется.

3. ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ СТРУКТУР ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Метод семантического дифференциала получил широкое применение в исследованиях, связанных с восприятием и поведением человека, с анализом социальных установок и личностных смыслов. Его используют в психологии (Dershowits, Ноугооб, Е.Ю. Артемьева, В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелев, В.В. Столин, А.А. Нистратов, В.И. Похилько, О.В. Митина и др.), социологии, в теории коммуникаций (Helm и др.), в области эстетики (Osgood и др.), в рекламе (Феофанов).

В.Ф. Петренко и соавторами выполнены ряд исследований по проблемам [16]:

- **«Эффективность речевого коммуникативного воздействия»** («Психосемантический анализ воздействия газетной публикации», «Образ человека на телеэкране», «Взаимодействие образа коммуникатора, текста сообщения и социально-психологических особенностей аудитории в процессе массовой коммуникации»);
- **«Психосемантический подход к восприятию искусства»** («Психосемантический анализ художественных конструктов художественного фильма «Сибирский цирюльник»);
- **«Психосемантический подход к исследованию мотивации»** («Исследование категориальных структур индивидуального сознания, опосредующих восприятие поступка», «Методика исследования восприятия мотивационной структуры киноперсонажа зрителем»);
- **«Психосемантические исследования политического менталитета»** («Психосемантический анализ политических установок», «Семантическое пространство политических партий», «Психосемантический анализ динамики качества жизни россиян с 1917 по 1995 г.», «Психосемантический анализ геополитических представлений граждан России»).

3.1. Влияние эмоций на процессы категоризации

Исследование взаимосвязи когнитивной и аффективной сфер является ключевой проблемой как для понимания познавательных процессов, так и для изучения динамики развития личности. Более частым аспектом этой проблемы является исследование влияния аффективной окраски на организацию и структурализацию значений в индивидуальном сознании (на структуру семантического пространства значений).

В работе В.Ф. Петренко, В.В.Кучеренко **«Влияние аффекта на семантическую организацию значений»** ставилась задача исследования влияния аффективной окраски значения слов на их семантическую организацию и описания этого феномена изменения структуры индивидуального сознания на языке модельного представления [16]. Таким модельным представлением в исследовании выступали субъективные семантические пространства. В ходе исследования отмечена тенденция к уменьшению размерности семантического пространства и переходу к более емким «аффективным обобщениям», что рассматривается как своеобразный переход в семантической организации лексики к более глубинным коннотативным уровням. Сделан вывод о том, что аффект выступает как фактор, изменяющий характер категоризации. Аффект является своеобразным оператором перехода от более расчлененных (предметно-категориальных) форм категоризации к аффективно-ситуативным коннотативным формам и приводит к образованию новых семантических структур.

Очевидно, чем более эмоциональной, личностно значимой является область, подвергающаяся категоризации (осознаванию), тем более категориальные структуры индивидуального сознания оказываются подверженными влиянию личностных смыслов, несущих в себе пристрастность субъекта. Такой субъективно значимой областью человеческой деятельности является, в частности, искусство. Восприятие произведения искусства всегда опосредовано личностью зрителя, его имплицитной теорией мира, себя и других. В работе В.Ф. Петренко, В.В. Кучеренко **«Взаимосвязь осознания объекта и отношения к нему (на примере киновосприятия)»** основной задачей исследования являлась попытка использования методики «СД» Ч. Осгуда и методики личностных конструкторов Дж. Келли применительно к восприятию художественных фильмов [16]. В результате эксперимента было построено семантическое пространство, координатные оси которого отражают различные аспекты восприятия фильма, а оценки фильма испытуемыми задаются как координаты внутри этого семантического пространства. Семантическое пространство, построенное с помощью СД, образовано восемью факторами: оценка; сила; реальность, жизненность; эмоциональный тон; абстрактность; глубина, психологичность; многоплановость; эстетичность. Методика Келли позволила выразить меру когнитивной сложности количественно как число независимых конструкторов, используемых субъектом для дифференциации некоторой содержательной области. Авторами сделан вывод о прямой связи между когнитивной и эмоционально-оценочной организацией восприятия фильма. Фильм как произведение искусства «присваивается» зрителем, выступающим активным «соавтором» создателей, осмысливается и оценивается через призму личности зрителя.

В практике психодиагностики, консультировании, психотерапии часто возникает необходимость оценить актуальное эмоциональное состояние испытуемого или пациента, проследить взаимосвязь тех или иных эмоциональных состояний, сделать их осознаваемыми. Такие возможности обнаруживаются при рассмотрении психических состояний с позиции психосемантического подхода. Так, в работе А.О. Прохорова «**Семантические пространства психических состояний**» представлены результаты исследования взаимоотношений психологических категорий «психическое состояние» и «сознание», проведенных в контексте психосемантики состояний [20]. В исследованиях выявлены общие характеристики семантических пространств психических состояний, динамические особенности, закономерности влияния психических процессов и психологических свойств на семантические пространства состояний, семантические особенности регуляции состояний, закономерности становления процесса осознания состояний в онтогенезе.

3.2. Стереотипы обыденного сознания

В отечественной психологии разработаны теоретические основания для анализа обыденного сознания с точки зрения его места в структуре сознания, особенностей знакового опосредствования, присущих данному уровню, выделения его специфики по отношению к другим формам сознания. Основы психологического анализа проблемы структуры сознания, его онто- и филогенеза заложили исследования Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейна, Е.А. Климова, Е.В. Субботского и др., Вопросы гетерогенности и уровневого строения сознания стали предметом изучения Е.А. Артемьевой, В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелева, В.П. Зинченко, М.К. Мамардашвили, Н.И. Чуприковой и др. Диалогическая природа сознания, проблемы внутреннего диалога рассматривались в работах Л.С. Выготского, М.М. Бахтина, А.Н. Леонтьева, В.В. Столина, Е.Ю. Худобиной, А.Г. Ковалева, Ф.Е. Василюка.

«Обыденное сознание, как его характеризуют большинство исследователей, – это неоднородная, сложная, многослойная, противоречивая, стихийно сложившаяся совокупность теоретически необобщенных знаний, представлений, житейских суждений, чувств и настроений, порождаемых массовым опытом, влияниями социальной среды, ее обычаями и традициями», – отмечает М.Е. Миронов [25, с. 33].

Обыденное сознание расположено на стыке различных психологических образований индивидуальной и общественной природы. Опираясь на существующее в психологической литературе понимание данного феномена, можно сказать, что обыденное сознание занимает

положение медиатора по отношению к: 1) общественному и индивидуальному сознанию; 2) мифологическому и научному отражению мира; 3) бессознательному и рефлексивному сознанию [25, с. 91].

Будучи принадлежностью индивидуальной психики, обыденное сознание, как подчеркивают многие авторы, в значительной степени связано с общественным сознанием, с социальными стереотипами, социальными представлениями. И в то же время, являясь уровнем индивидуального сознания, оно обладает значительной гибкостью и вариативностью. Содержание обыденного сознания имеет во многом нерациональный характер, но активно включает в себя и элементы научного знания, которые свободно сосуществуют друг с другом.

Однако, при выраженном интересе к предмету, четкого определения термина «обыденное сознание» в психологии в настоящее время не существует. Имеет смысл соотнести его с другими сходными, во многом пересекающимися, но не тождественными понятиями – прежде всего понятиями менталитета, обыденного мышления, социального мышления, социальных представлений, здравого смысла.

Продуктивным подходом к изучению обыденного сознания можно считать психосемантический подход, позволяющий реконструировать категориальную структуру различных уровней сознания.

В направлении изучения стереотипов обыденного сознания выполнены работы Е.В. Улыбиной «**Психосемантическое исследование этноцентризма**» [25], В.Ф. Петренко «**Исследование этнических стереотипов**», «**Исследование рефлексивных структур обыденного сознания (на материале семантического анализа фразеологизмов)**» [16].

В рамках работы, выполненной В.Ф. Петренко «**Семантический анализ профессиональных стереотипов**» осуществлялась апробация психосемантических методик для исследования стереотипов обыденного сознания применительно к сфере восприятия профессий. [18]

В соответствии с данной схемой построения эксперимента нами было проведено исследование профессиональных образов-стереотипов будущих психологов. Исследование проводилось в 2003–2005 годах, в качестве испытуемых выступали слушатели ИПК и студенты факультета социальной педагогики и психологии УО «ВГУ им. П.М. Машерова». Всего 110 человек. В качестве инструмента шкалирования использовались униполярные (однополюсные) шкалы. Набор шкал составляли денотативные признаки – личностные характеристики, и коннотативные – типа черный, белый, колючий и пр. При выборе шкал были использованы наиболее частотные прилагательные, употребляемые для характеристики себя и других людей. Подбирая их, мы ориентировались на результаты факторизации 1650 личностных при-

лагательных, представленные А.Г. Шмелевым, систему в факторов «Большая пятерка» (В 5) и задачи исследования.

Объектами оценки служили ролевые позиции – я; я в детстве; я через 15 лет; человек, которого жаль; человек, который не нравится; психолог; врач; педагог; счастливый человек; авторитетный человек.

При анализе полученных данных были выделены феномены, имеющие отношение к составу значимых факторов, к особенностям определения шкал в факторном пространстве и особенностям расположения в данном пространстве отдельных объектов.

Полученные в результате факторизации групповой матрицы значимые факторы можно интерпретировать как «Дружелюбие», «Сознательность», «Экстраверсия», «Стабильность», «Интеллектуальность».

Были выявлены факторные структуры, содержание которых оказалось богаче, чем суммарное содержание всех признаков шкал, входящих в эти факторы. «Склейка» нескольких факторов в структуру позволяет восстановить, домыслить, опознать целостный образ. Так, ряд шкал из разных факторов, «склеиваясь», образуют специфический личностный конструкт автостереотипа психолога: сложный, интересный, умный, гордый, остроумный – в оппозиции к качествам: счастливый, организованный. Данный феномен отмечает в своих исследованиях В.Ф. Петренко: «Противопоставление качества «счастливый» целому набору весьма положительных качеств раскрывает наличие специфической «профессиональной вредности» профессии психолога, связанной с профессиональной нервотизацией. Необходимость анализа других людей ведет к обостренному самоанализу, снимающему формы психологической защиты личности и делающему ее более чувствительной к фрустрирующим факторам» [25 с. 252].

Это дает возможность предположить, что профессиональная принадлежность испытуемых и их профессиональная деятельность определяют как когнитивную сложность межличностного восприятия испытуемых, так и специфику их категоризации (характер личностных конструктов).

3.2.1. Психосемантическая характеристика индивидуального сознания женщин в разные периоды жизни

Методика исследования

Целью данного исследования являлось описание содержания и структуры сознания беременных женщин в области, значимой для них в данный период жизни. В исследовании приняли участие 18 беременных женщин (экспериментальная группа) и 18 небеременных женщин 20–35 лет (контрольная группа).

В качестве инструмента шкалирования использовался частный семантический дифференциал – личностный дифференциал (ЛД). Методика личностного дифференциала (ЛД) разработана путем репрезентативной выборки слов современного русского языка, описывающих черты личности, с последующим изучением внутренней факторной структуры своеобразной «модели личности», существующей в культуре и развивающейся у каждого человека в результате усвоения социального и языкового опыта.

Методика ЛД адаптирована сотрудниками психоневрологического института им. В.М. Бехтерева. Целью ее разработки являлось создание компактного и валидного инструмента изучения определенных свойств личности, ее самосознания, межличностных отношений, который мог бы быть применен в клинично-педагогической и психодиагностической работе, а также в социально-психологической практике.

Предметом анализа результатов применения метода семантического дифференциала могут быть как индивидуальные, так и групповые (общие) семантические пространства. Руководствуясь задачами исследования, нами были построены групповые матрицы путем суммирования индивидуальных результатов. При таком подходе частные различия неизбежно нейтрализуются и явным становится «общий для всех смысл», делающий возможным общение в социуме [25, с. 125].

Объектами оценки в нашем исследовании служили ролевые позиции – я; я через 5 лет; жена; мать; идеальная мать; человек, которого жаль; ответственный человек; счастливый человек; неприятный человек.

При анализе полученных данных были выделены феномены, имеющие отношение к составу значимых факторов «Оценка», «Сила», «Активность» (в дальнейшем «ОСА»), к особенностям определения шкал в факторном пространстве и особенностям расположения в данном пространстве отдельных объектов.

Психологическая валидность факторов «ОСА» обеспечивается теоретической интерпретируемостью их в терминах 3-компонентной теории чувств В. Вундта:

Фактор «Оценка» соответствует координате «удовольствие–неудовольствие».

Фактор «Сила» – «напряжение–расслабление».

Фактор «Активность» – «возбуждение–успокоение».

Поведенчески «Оценка» описывает направление реакции по отношению к объекту (человек стремится пространственно к позитивному для него объекту, стремится продлить позитивное для него явление и избегает «негативные» объекты и явления).

«Сила» – указывает на потенциальную энергию, заключенную в реакции, на статическое напряжение, с которым осуществляется реакция. Например, ощущения «тяжелый» и «твердый» идут из проприо-

цепции – от мышечных усилий, с которыми осуществляется взаимодействие с объектом.

«Активность» – указывает на кинетическую энергию, заключенную в реакции, на ее динамичность, изменчивость во времени, которая требуется для взаимодействия с быстро меняющимся в своих состояниях объектом.

Описание факторов.

В состав фактора «Оценка» вошли следующие шкалы:

- добросовестный – безответственный
- добрый – эгоистичный
- отзывчивый – черствый
- справедливый – несправедливый
- дружелюбный – враждебный
- честный – неискренний

Результаты по фактору «Оценка» свидетельствуют об уровне самоуважения респондента (при самооценке), предпочтении, позитивном отношении, привлекательности, симпатии (при высоких значениях фактора) и негативном отношении, отвержении к другим шкалируемым объектам, другим ролевым позициям (при низких значениях фактора).

В состав фактора «Сила» вошли шкалы:

- сильный – слабый
- упрямый – уступчивый
- независимый – зависимый
- решительный – нерешительный
- напряженный – расслабленный
- уверенный – неуверенный
- самостоятельный – несамостоятельный.

Фактор «Сила» свидетельствует о развитии волевых сторон личности. Его высокие значения указывают на уверенность, независимость, склонность рассчитывать на собственные силы, возможность выдерживать психическое напряжение. Низкие значения по данному фактору свидетельствуют о низком самоконтроле, неспособности держаться принятой линии поведения, зависимости от обстоятельств или других людей. Особо низкие оценки свидетельствуют об астенизации и тревожности. Данный фактор может выявлять отношения доминирования – подчинения.

В состав фактора «Активность» вошли шкалы:

- разговорчивый – молчаливый
- открытый – замкнутый
- деятельный – пассивный
- энергичный – вялый

- суетливый – спокойный
- общительный – нелюдимый
- раздражительный – невозмутимый.

Результаты по фактору «Активность» указывают на степень экстравертированности личности, готовность или неготовность осуществлять активные действия. Высокие значения по фактору указывают на активность, общительность, импульсивность, низкие – на определенную пассивность, спокойные эмоциональные реакции, интровертированность.

Полученные факторы «Сила» и «Оценка» близки по общему смыслу к двухфакторной модели межличностных отношений Лири, включающей в себя параметры «Доминантность» (сила) и «Дружелюбие» (альтруизм, моральная оценка). По результатам многих исследователей использование двух основных параметров – весьма распространенная стратегия обыденного сознания [30].

Результаты исследования

Расположение объектов в семантическом пространстве.

Эксперимент продемонстрировал высокую внутригрупповую согласованность данных; в силу этого результаты среднегрупповой матрицы могут представлять всю группу испытуемых в целом. В ходе реконструкции субъективных семантических пространств и анализа обобщенной семантической структуры связей были получены следующие результаты, представленные на рис. 3, 4.

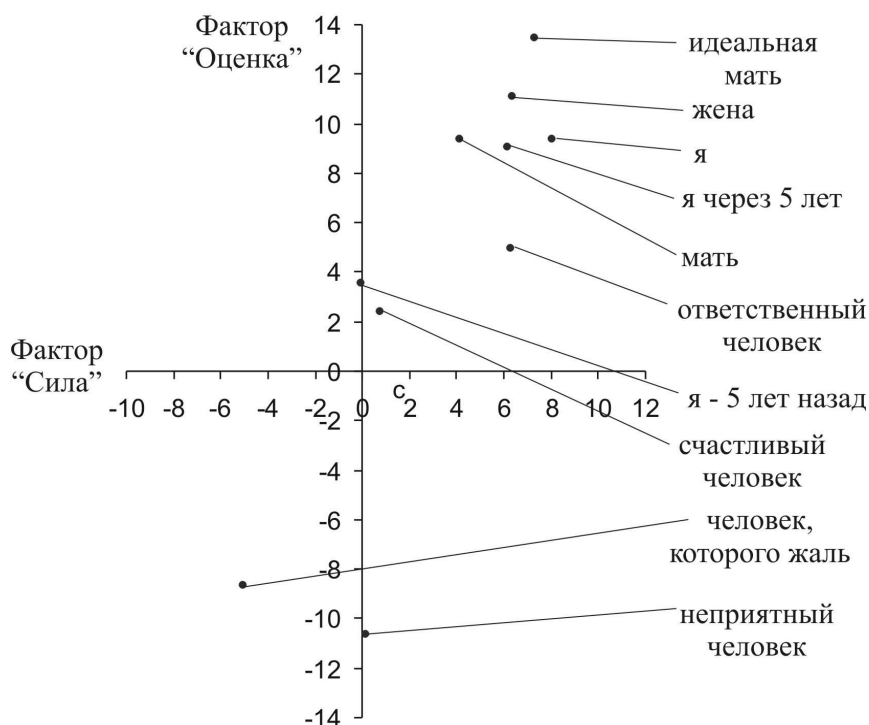

Рис. 3. Психосемантические пространства ролевых позиций по факторам «Оценка-Сила» (экспериментальная группа).

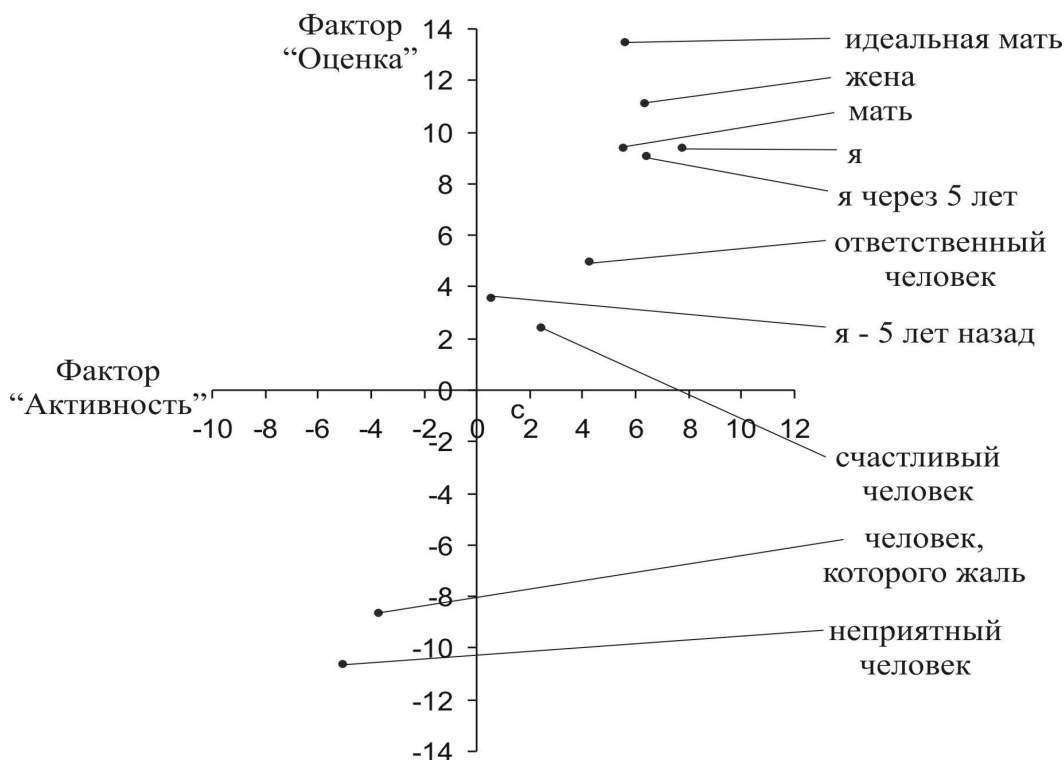

Рис. 4. Психосемантические пространства ролевых позиций по факторам «Оценка–Активность» (экспериментальная группа).

Проанализируем результаты, полученные в экспериментальной группе.

Объекты шкалирования в семантическом пространстве факторов «ОСА» расположились следующим образом:

- Наибольшее количество баллов по фактору «Оценка» имеют образы «Идеальная мать» (13,1), ниже расположены «Жена» (11), примерно на одном уровне «Я» (9,5), «Мать» (9,4), «Я через 5 лет» (9,25). Далее в порядке убывания «Ответственный человек» (5,25), «Я 5 лет назад» (3,75). Ближе к центру в системе координат «Счастливый человек» (2,5).

- Полярными образами по данному фактору оказались «Неприятный человек» (-10,6), «Человек, которого жаль» (-8).

- По фактору «Сила» крайнее положение (наибольшее количество баллов) занимает «Идеальная мать» (7,25), на одном уровне образы «Я» и «Жена» (по 6,6), рядом расположены «Ответственный человек» (6,25), «Я через 5 лет» (6), «Мать» (4,8). Близко к нулевой отметке расположены «Счастливый человек» (2,5), «Я 5 лет назад» (0,125), «Неприятный человек» (0,125), отрицательное значение «Человек, которого жаль» (-5).

- По фактору «Активность» наиболее поляризованным оказался образ «Я» (8), меньшее количество баллов получили образы «Я

через 5 лет» (6,4), «Жена» (5,9), «Идеальная мать» (5,6), «Мать» (5,5), «Ответственный человек» (4,4), ближе к центру координат «Счастливый человек» (2,1), «Я 5 лет назад» (0,75).

Отрицательные значения получили «Неприятный человек» (-5,6), «Человек, которого жаль» (-3,7).

В исследовании нас в большей степени интересовали ролевые позиции, связанные с материнством: «Я», «Идеальная мать», «Мать», «Жена». В связи с этим более подробно описаны данные образы (в соответствии с полярностью представления их по шкалам).

Самовосприятие у беременных женщин можно представить следующими личностными характеристиками: общительная, справедливая, решительная, честная, обаятельная, уступчивая.

Образ «Жены» можно описать как: обаятельная, добросовестная, отзывчивая, энергичная, уступчивая, спокойная.

Образ «Матери» – добросовестная, открытая, отзывчивая, уступчивая, спокойная, чувствующая.

Образ «Идеальная мать» – сильная, обаятельная, добросовестная, добрая, отзывчивая, дружелюбная, общительная.

Результаты, полученные в контрольной группе, представлены на рис. 5, 6.

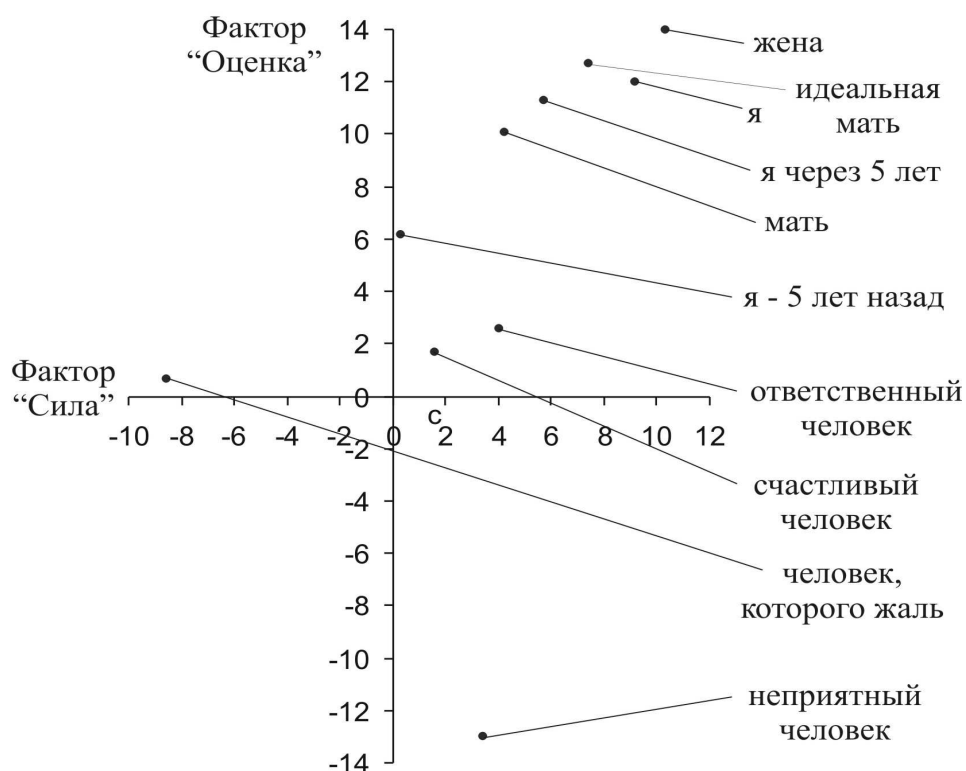

Рис. 5. Психосемантические пространства ролевых позиций по факторам «Оценка–Сила» (контрольная группа).

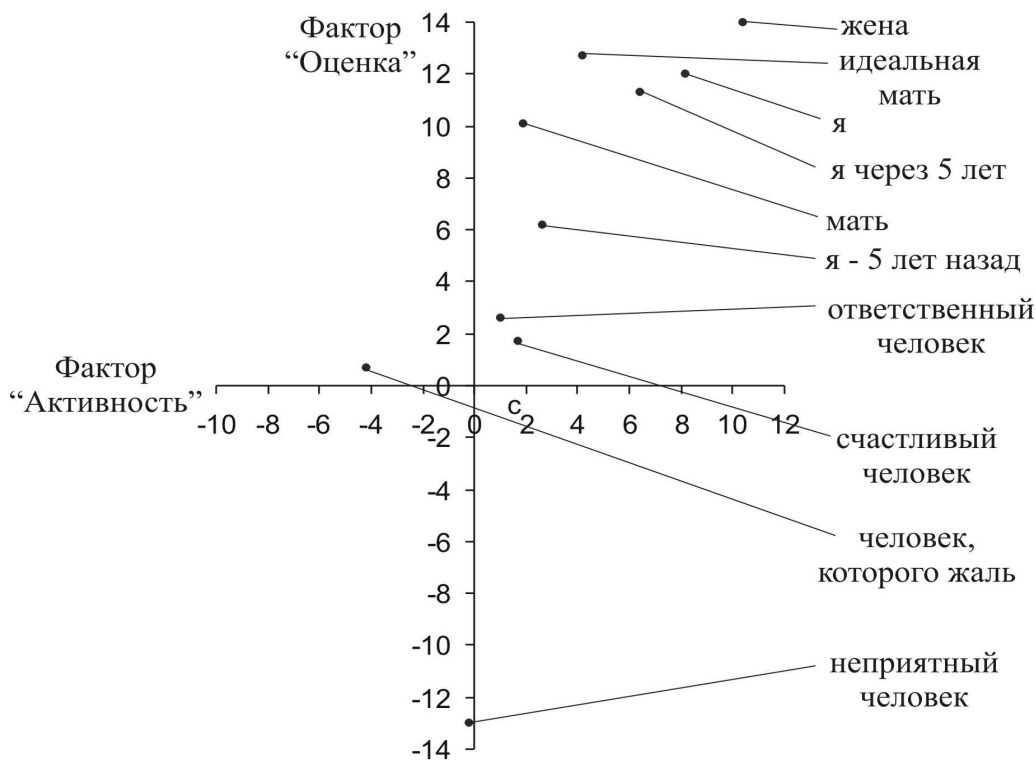

Рис. 6. Психосемантические пространства ролевых позиций по факторам «Оценка–Активность» (контрольная группа).

Объекты шкалирования в семантическом пространстве факторов «ОСА» расположились следующим образом.

– Наибольшее количество баллов по фактору «Оценка» имеет образ «Жена» (13,9), несколько ниже располагаются «Идеальная мать» (12,7), «Я» (12), «Я через 5 лет» (11,3), «Мать» (10,1). Серединное положение в позитивной части фактора занимает образ «Я 5 лет назад» (6,2). Ближе к центру координат образы «Ответственный человек» (2,6), «Счастливый человек» (1,7), «Человек, которого жаль» (0,7).

Полярным образом по данному фактору является «Неприятный человек» (-12).

– По фактору «Сила» крайнее положение (наибольшее количество баллов) занимают образы «Жена» (10,3), «Я» (9,14). Далее по степени уменьшения количества баллов расположены «Идеальная мать» (7,4), «Я через 5 лет» (5,7), «Мать» (4) и «Ответственный человек» (4,2) расположены почти на одном уровне. Далее идет образ «Неприятный человек» (3,4). Невысокие значения имеют «Счастливый человек» (1,6), «Я 5 лет назад» (0,3).

– Отрицательное значение по данному фактору имеет образ «Человек, которого жаль» (-8,6).

– По фактору «Активность» наиболее поляризованным оказался образ «Жена» (10,4). Меньшее количество баллов получили об-

разы «Я» (8,14), «Я через 5 лет» (6,4), «Идеальная мать» (4,2), «Я 5 лет назад» (2,6). Ближе к центру координат разместились «Мать» (1,5), «Счастливый человек» (1,7), «Ответственный человек» (1), «Неприятный человек» (-0,14).

Полярным образом является образ «Человек, которого жаль» (-4,2).

В соответствии с полярностью представления образов по шкалам ЛД можно дать им следующее описание, характерное для восприятия образов контрольной группой:

Образ «Я» – обаятельная, общительная, дружелюбная, справедливая, добрая, уступчивая.

Образ «Мать» – отзывчивая, добрая, обаятельная, спокойная, молчаливая, уступчивая.

Образ «Жена» – обаятельная, сильная, разговорчивая, добросовестная, отзывчивая, справедливая, дружелюбная, уверенная, общительная, самостоятельная.

Образ «Идеальная мать» – обаятельная, сильная, общительная, честная, чувствительная, уступчивая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выводы по экспериментальной группе.

В наполненных признаками семантических зонах, образованных положительными полюсами факторов «ОСА» по результатам исследования индивидуального сознания группы беременных женщин располагаются образы «Идеальная мать», «Жена», «Я», «Мать», «Я через 5 лет» – воспринимающиеся в целом как привлекательные, вызывающие симпатию, уверенные, склонные рассчитывать на собственные силы, активные, общительные. Достаточно близко в семантическом пространстве располагаются образы «Я», «Жена», «Мать», «Я через 5 лет», образуя личностный конструктор.

Испытуемые хорошо идентифицируют себя с новой ролевой позицией – «Мать», «Жена». Образ «Я через 5 лет» оказывается в центре данного пространства, что может свидетельствовать о желании испытуемых быть устойчивыми в ролевых позициях «Мать», «Жена».

Ближе к центру в системе координат заданных факторов расположены образы «Я 5 лет назад», «Счастливый человек». Объекты, расположенные в данной зоне семантического пространства интерпретируются как незначимые для испытуемого [20].

С такой интерпретацией образа «Я 5 лет назад» можно согласиться. А по поводу характеристики отношения испытуемых к образу «Счастливый человек» возникает предположение о «тревожно-осторожном» отношении к идентификации себя с этим образом у беременных женщин (установка «не спугнуть счастье»).

В противоположной части семантического пространства располагается область антиидеалов – там находятся образы «Неприятный человек» и «Человек, которого жаль». Эти образы воспринимаются как слабые, неактивные, вызывающие антипатию.

Выводы по контрольной группе.

Можно отметить следующие признаки, характерные для расположения объектов в семантическом пространстве «ОСА».

Особое положение в позитивном секторе пространства занимает образ «Жены». Он значительно отдален от других объектов и воспринимается в целом как очень привлекательный, сильный, активный, доминирующий в данной системе образов.

Восприятие образа «Я 5 лет назад» более позитивно в сравнении с восприятием себя в прошлом беременных женщин.

Образ «Ответственный человек» для контрольной группы является менее значимым и располагается в семантическом пространстве близко к центру системы координат.

«Человек, которого жаль» оценивается позитивно в отличие от беременных женщин, но более слабым и менее активным.

Все объекты в семантическом пространстве расположены на значительном расстоянии друг от друга, что может свидетельствовать о дифференциации значений в данной области жизнедеятельности. И так как образ «Я» не находится в семантической близости ни с одним из объектов, можно предположить, что у женщин контрольной группы на момент проведения эксперимента не было актуального интереса к предложенным ролевым позициям.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод, что содержание и структура сознания беременных женщин имеет свои особенности.

Наиболее значимыми в данный период жизни являются ролевые позиции «Жена» и «Мать». Описание образов «Жена», «Мать» как добросовестная, обаятельная, открытая, уступчивая, спокойная и т.д. совпадают с восприятием образа «Я», что может свидетельствовать о идентификации с ними.

Наши исследования подтвердили результаты исследования других авторов (Улыбина, Петренко), которые указывают на то, что идеальные и антиидеальные объекты воплощают в себе систему ценностей, существующих в обыденном сознании на групповом уровне.

Система общественных ценностей предполагает, что женщины в роли «мама», «жена» обязательно должны быть сильными, энергичными, адаптивными, обаятельными, ответственными, т.е. хорошими. А «Неприятный человек» оценивается как слабый, неактивный. В такой оценке отражается очень понятное желание, чтобы неприятные люди были не очень сильными, а значит и менее опасными для нас. «Человек, которого жаль» оценивается в большей или меньшей степени отрицательно не только по фактору «Оценка», но и по факторам «Сила» и «Активность». Это укладывается в общую схему простого гармоничного мира, в котором слабыми могут быть только плохие, поэтому они и не нравятся [25].

Возможно, что сохранение простого и гармоничного образа мира для беременных женщин является способом снижения уровня тревожности, сохранения внутреннего благополучия в данный период жизни.

Простой, гармоничный образ мира обеспечивает сохранение ценностей стабильности, принадлежности к группе, работает на внутригрупповую интеграцию.

Таким образом, психосемантический подход к исследованию сознания создает возможность формирования сложных гипотез о системном строении личностного опыта и уникальные средства для исследования индивидуального сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемьева, Е.Ю. Психология субъективной семантики. – М., 1980.
2. Артемьева, Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / под ред. И.Б. Ханиной. – М.: Наука; Смысл, 1999. – 350 с.
3. Артемьева, Е.Ю., Стрелков, В.П., Серкин, В.Е. Описание структур субъективного опыта: контекст и задачи // Мышление, общение, опыт. – Ярославль, 1983. – С. 99–107.
4. Артемьева, Е.Ю. Семантические измерения как модели. II Вестник МГУ, сер. 14, психология, 1991, № 1.
5. Василюк, Ф.Е. Психология переживания. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
6. Выготский, Л.С. Собр. соч. Т. 4. – М., 1984.
7. Выготский, Л.С. Мышление и речь. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. – XXXV. – 324 с.
8. Доценко, Е.Л. Семантический подход к межличностному общению: Автореф. дис... докт. психол. наук. – М., 2000 – 41 с.
9. Дружинин, В.Н., Гребенюк, Г.А., Самсонова, Е.Ю. Исследование психосемантических репрезентаций общих умственных способностей. II Психол. журнал, 1993. – № 3.
10. Зинченко, В.П. Миры и структура сознания // Вопросы психологии. – 1991. – № 2. – С. 15–37.
11. Зинченко, В.П. Посох Мандельштама и Трубка Мамардашвили. – М.: Новая школа, 1997. – 336 с.
12. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
13. Леонтьев, А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. – М.: Педагогика, 1983. Т. 1. – 391 с.
14. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
15. Лузаков, А.А. Личность как субъект категоризации в межличностном познании: взаимодействие когнитивных и ценностно-мотивационных структур. Адд, 2007.
16. Петренко, В.Ф. Основы психосемантики: учебное пособие. – Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. – 400 с.

17. Петренко, В.Ф. Построение семантических пространств как метод и форма модельного представления // Вестник СамГУ. Психология. – 1998, № 3.
18. Петренко, В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. – М., 1983.
19. Петренко, В.Ф., Василенко, С.В. О перцептивной категоризации // Вестник МГУ. – Сер. 14. Психология. – 1977. – № 1. – С. 24–37.
20. Прохоров, О.А. Семантические пространства психических состояний. – Дубна: Изд-во «Феникс», 2002.
21. Словарь практического психолога.
22. Смагина, С.С. Теоретические модели индивидуального сознания и проблемы их экспериментальной разработки // «Вестник Кемеровского Государственного Университета» №2 (22). – Кемерово, 2005.
23. Субботский, Е.В. Индивидуальное сознание как система реальностей // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. – М.: Смысл, 1999. – С. 125–161.
24. Субботский, Е.В. Феноменальное и рациональное в сознании: борьба за Доминантность // Психологический журнал. – 2001. – / Т. 22. – № 5. – С. 94–98.
25. Улыбина, Е.В. Психология обыденного сознания. – М., 2001. – С. 124–171.
26. Фрейджер, Р., Фейдимен, Дж. Личность: теории, эксперименты, упражнения. – СПб.: Прайм–еврознак, 2001. – 864 с.
27. Шмелев, А.Г. Концепция систем значений в экспериментальной психосемантике // Вопросы психологии. – 1982. – № 4. – С. 17–27.
28. Шмелев, А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 157с.
29. Шмелев, А.Г. Психодиагностика личностных черт. – СПб., 2002.
30. Osgood Ch., Suci G., Tannenbaum P. The Measurement of Meaning. Urbana, 1957.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Личностный семантический дифференциал (ЛД)

Методика личностного дифференциала (ЛД) разработана на базе современного русского языка и отражает сформировавшиеся в нашей культуре представления о структуре личности. Методика ЛД адаптирована сотрудниками психоневрологического института им. В.М. Бехтерева. Целью ее разработки являлось создание компактного и валидного инструмента изучения определенных свойств личности, ее самосознания, межличностных отношений, который мог бы быть применен в клиничко-психологической и психодиагностической работе, а также в социально-психологической практике.

Процедура отбора шкал ЛД.

ЛД сформирован путем репрезентативной выборки слов современного русского языка, описывающих черты личности с последующим изучением внутренней факторной структуры своеобразной «модели личности», существующей в культуре и развивающейся у каждого человека в результате усвоения социального и языкового опыта.

Из Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова были отобраны 120 слов, обозначающих черты личности. Из этого исходного набора отобраны черты, в наибольшей степени характеризующие полюса 3-х классических факторов семантического дифференциала:

1. Оценки.
2. Силы.
3. Активности.

Случайным образом исходный набор черт был разбит на 6 списков по 20 черт. Применялись три параллельных метода классификации черт внутри каждого из этих списков.

1. Оценка испытуемыми (по 100-балльной шкале) вероятности того, что человек, обладающий свойствами личности *A*, обладает и свойствами личности *B*. В результате усреднения вероятностей индивидуальных оценок получены обобщенные показатели представлений о сопряженности черт личности, составляющих так называемую имплицитную структуру личности, свойственную для всей выборки в целом.

2. Корреляции между самооценками по чертам личности. Испытуемые заполняли 6 бланков самооценок, каждый из которых был составлен из 20 черт личности и требовал оценить их наличие у испытуемого по 5-балльной шкале.

3. 120 черт личности оценивались по 3 шкалам (7-балльным), представляющим факторы семантического дифференциала, оценки усреднялись.

В ЛД отобрана 21 личностная черта. В нескольких случаях исходный список не содержал одного из членов требуемой антонимичной пары и был дополнен. Шкалы ЛД заполнялись испытуемыми с инструкцией оценить самих себя по отобранным чертам личности.

БЛАНК ЛД И КЛЮЧ

Фамилия И.О. _____ пол _____ возраст _____

1.	О	+	Обаятельный	3	2	1	0	1	2	3	Непривлекательный	-
2.	С	-	Слабый	3	2	1	0	1	2	3	Сильный	+
3.	А	+	Разговорчивый	3	2	1	0	1	2	3	Молчаливый	-
4.	О	-	Безответственный	3	2	1	0	1	2	3	Добросовестный	+
5.	С	+	Упрямый	3	2	1	0	1	2	3	Уступчивый	-
6.	А	-	Замкнутый	3	2	1	0	1	2	3	Открытый	+
7.	О	+	Добрый	3	2	1	0	1	2	3	Эгоистичный	-
8.	С	-	Зависимый	3	2	1	0	1	2	3	Независимый	+
9.	А	+	Деятельный	3	2	1	0	1	2	3	Пассивный	-
10.	О	-	Черствый	3	2	1	0	1	2	3	Отзывчивый	+
11.	С	+	Решительный	3	2	1	0	1	2	3	Нерешительный	-
12.	А	-	Вялый	3	2	1	0	1	2	3	Энергичный	+
13.	О	+	Справедливый	3	2	1	0	1	2	3	Несправедливый	-
14.	С	-	Расслабленный	3	2	1	0	1	2	3	Напряженный	+
15.	А	+	Суевливый	3	2	1	0	1	2	3	Спокойный	-
16.	О	-	Враждебный	3	2	1	0	1	2	3	Дружелюбный	+
17.	С	+	Уверенный	3	2	1	0	1	2	3	Неуверенный	-
18.	А	-	Нелюдимый	3	2	1	0	1	2	3	Общительный	+
19.	О	+	Честный	3	2	1	0	1	2	3	Неискренний	-
20.	С	-	Несамостоятельный	3	2	1	0	1	2	3	Самостоятельный	+
21.	А	+	Раздражительный	3	2	1	0	1	2	3	Невозмутимый	-

Интерпретация факторов ЛД

При применении ЛД для исследования самооценок значения фактора *Оценки* (О) результаты свидетельствуют об уровне самоуважения. Высокие значения этого фактора говорят о том, что испытуемый принимает себя как личность, склонен осознавать себя как носи-

теля позитивных, социально желательных характеристик, в определенном смысле удовлетворен собой.

Низкие значения фактора О указывают на критическое отношение человека к самому себе, его неудовлетворенность собственным поведением, уровнем достижений, особенностями личности, на недостаточный уровень принятия самого себя. Особо низкие значения этого фактора в самооценках свидетельствуют о возможных невротических или иных проблемах, связанных с ощущением малой ценности своей личности.

При использовании ЛД для измерения взаимных оценок фактор О интерпретируется как свидетельство уровня привлекательности, симпатии, которым обладает один человек в восприятии другого. При этом положительные (+) значения этого фактора соответствует предпочтению, оказываемому объекту оценки, отрицательные (-) – его отвержению.

Фактор *Силы* (С) в самооценках свидетельствует о развитии волевых сторон личности, как они осознаются самим испытуемым. Его высокие значения говорят об уверенности в себе, независимости, склонности рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях. Низкие значения свидетельствуют о недостаточном самоконтроле, неспособности держаться принятой линии поведения, зависимости от внешних обстоятельств и оценок. Особо низкие оценки свидетельствуют и указывают на астенизацию и тревожность. Во взаимных оценках фактор (С) выявляет отношения доминирования-подчинения, как они воспринимаются субъектом оценки.

Фактор *Активности* (А) в самооценках интерпретируется как свидетельство экстравертированности личности. Положительные (+) значения указывают на высокую активность, общительность, импульсивность; отрицательные (-) – на интровертированность, определенную пассивность, спокойные эмоциональные реакции. Во взаимных оценках отражается восприятие людьми личностных особенностей друг друга.

При интерпретации данных, полученных с помощью ЛД, всегда следует помнить о том, что в них отражаются субъективные, эмоционально-смысловые представления человека о самом себе и других людях, его отношения, которые могут лишь частично соответствовать реальному положению дел, но часто сами по себе имеют первостепенное значение.

Использование метода ЛД

ЛД может использоваться во всех тех случаях, когда необходимо получить информацию о субъективных аспектах отношений испытуемого к себе или к другим людям. В этом отношении ЛД сопоста-

вим с двумя категориями психодиагностических методов – с личностными опросниками и социометрическими шкалами. От личностных опросников он отличается краткостью и прямотой, направленностью на данные самосознания. Некоторые традиционные, получаемые с помощью опросников характеристики личности, могут быть получены и с помощью ЛД. Уровень *самоуважения*, *доминантности–тревожности* и *экстраверсии–интроверсии* является достаточно важным показателем в таких клинических задачах, как диагностика неврозов, пограничных состояний, дифференциальная диагностика, исследование динамики состояния в процессе реабилитации, контроль эффективности психотерапии и т.д. Краткость метода позволяет использовать его не только самостоятельно, но и в комплексе с иными диагностическими процедурами.

От социометрических методов ЛД отличается многомерностью характеристик отношений и большей их обобщенностью. Как метод получения взаимных оценок ЛД можно рекомендовать к применению в двух областях: в групповой и семейной психотерапии.

В групповой психотерапии ЛД может быть использован для исследования таких сторон личности и группового процесса в целом, как повышение уровня принятия членами группы друг друга, сближение реальных и ожидаемых оценок, уменьшение зависимости от психотерапевта и т.д.

В семейной психотерапии может оказаться полезной та возможность сопоставления разных точек зрения на членов семьи (например, ребенка), между собой, которую представляет ЛД, а также возможность дифференцированной оценки эмоциональной привлекательности, статуса *доминирования-подчинения* и уровня *активности* членов семьи (например, супругов). Полезным может оказаться варьирование предметов оценки (например, «каким должен быть отец», «идеальная жена», «моя жена думает, что я...») с последующим вычислением расстояния между идеальным и реальным, ожидаемым и реальным и т.д. ЛД может помочь в определении действительной природы недовольства супружескими взаимоотношениями (недостаточная эмоциональная привлекательность, избегание ответственности и т.д.), уяснить роль ребенка в семейном конфликте.

Учебное издание

КОСАРЕВСКАЯ Татьяна Евстафьевна

КУТЬКИНА Раиса Романовна

**ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ
ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ**

Методические рекомендации

Технический редактор

А.И. Матеюн

Корректор

А.В. Говорова

Компьютерный дизайн

Т.Е. Сафранкова

Подписано в печать

. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография.

Усл. печ. л. 3,54. Уч.-изд. л. 3,28. Тираж экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования

«Витебский государственный университет им. П.М. Машерова».

ЛИ № 02330 / 0494385 от 16.03.2009.

Отпечатано на ризографе учреждения образования

«Витебский государственный университет им. П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.